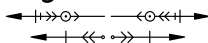

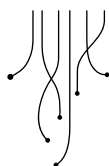

МАРЬЯНА
СУРИКОВА

ЗОВ ЧУЖОГО ПРОШЛОГО

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С90

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *И. Косулина*

Сурикова, Марьяна.

С90 Зов чужого прошлого / Марьяна Сурикова. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с. : ил. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-163787-3

Есть старая легенда о древнем зле, что заперто в самой середине непролазной чащи. Говорят, наступит время, и оно проснется. Тогда рухнет мир и тьма придет к власти. Глупые рассказы и бабушкины сказки. Повезло же с будущей родней. Едва познакомились, как сразу просветили, еще и саму в ведьмовстве обвинили. На ту оказалась похожа, кто зло помогал заточить. А я в лес и не собиралась совсем, пока жених вдруг в чаще не пропал.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163787-3

© Сурикова М., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Влюбиться по-настоящему — непросто,
а порой бывает страшно любить.*

Глава 1

— Нет в лес хода, — вещала старуха, выставляя на стол котелок с кашей и тарелку с хлебом. А чтобы придать большего веса словам, она несколько раз качнула седой головой. — Запомни, что говорю, и носа туда не кажи.

Печаль какая. А меня ведь кашей ни корми, дай по лесу погулять.

— Охотники ходят? — решила уточнить.

— А чего им не ходить? Испроси на окраине разрешения да отправляйся на промысел.

— И за ягодой местные ходят? — скосила глаза на корзину, поставленную на подоконник.

— За ягодой-то чего не наведаться? Опушечку поближе выбирай и собирай.

— А грибы у вас, — кивнула на висящие под потолком сушеные связки, — не из леса?

— Откуда еще грибам взяться? — хмыкнула старуха.

— Выходит, что тропинка проторена?

Она глянула на меня и снова качнула головой, нахлившись, точно седая ворона.

— Послушай, девка, дело говорю! А больше никто толкового не скажет. Вот какие вы нынче пошли: старость не уважаете, опыта не перенимаете. Но только в лесу зло живет. Давненько. В самой темной чаще.

— А облик у него есть? Или это просто злая темная чаша?

Старуха погрозила скрюченным пальцем.

— Ишь языкатая! Чего Вашек в тебе нашел? Соблазнила небось?

Я вздернула подбородок и промолчала. Уж кто кого соблазнил? Сам Вашек полгода мне прохода не давал, с того раза, как наведался в наш салон с собачкой очередной однодневной подружки. Теперь вот в деревню затащил, а сам на встречу с друзьями помчался и мне отличную компанию подобрал.

— Жил прежде человек один, сказывают, — продолжила старуха, явно не в первый раз повествуя эту историю, — непростой он был, того умел, чего остальные не могли. Только не ради добра. Вот и сослали его подальше от жилья людского в лесную чащу. Там, говорят, и заперли, а затем домик из бревен возвели. На двери замки повесили, на окнах ставни заколотили. Замкнули круг, стену из кольев ощерили, а кругом ограду железную с шипами поставили.

— А шипы ядом смазали?

Старуха фыркнула. Я же решила уточнить более неприглядный момент касательно расплывчатого «заперли».

— Вокруг чего домик-то возвели? Не над гробом хрустальным?

— Это только в сказках ваших хрустальные, а на поверку гранит лучше. Да и на что гроб? В них умерших кладут.

— А его живьем хоронили?

— Живьем не живьем только тем ведомо, кто в ту пору жил. А нам лишь предупреждение осталось, поскольку одни его замкнули в лесу, а расплачиваться другим пришлось. Девки пропадать стали. Одна за другой. Кто подальше в лес забредет, та назад не вернется. Еще,

говорят, зверья меньше в чаще стало, а птицы и вовсе перевелись.

— Не нашли девок?

— Некоторые возвращались, но не в себе. И слова сказать не могли, где были, что делали.

— Родители их не пошли в чащу со злом разобраться?

— Девки не местные-то. Все больше пришлые, как ты. Кто без отца и без матери. Из приюта, что между городом и деревней построили.

— Хорошее у вас зло, правильное. Своих не трогает. Старуха прищурилась.

— Ты, Вашек говорил, совсем без семьи.

— У меня родные есть, и я не росла в приюте.

Как обычно в похожих ситуациях, рука потянулась к кулону с прозрачным янтарным камнем, ограненным витой серебряной косичкой. Его оставила на память родная мать, прежде чем бросила, но я верила, будто кулон приносил удачу. По крайней мере вот так схватиться за него при случае отчего-то помогало ощутить уверенность в себе. Не одна я была. А уверенность, как известно, где надо горы свернет, а где не надо рвы прокопает. И уж точно невзначай — хотя в данном случае нарочно — брошенные слова не обидят и боли не причинят.

— По родственникам скиталась? Наслышана я.

Вашек — зараза! Зачем рассказал?

— Всю жизнь не знали, куда приткнуть сиротинушку. Небось перевели дух, когда выросла. И на что вы такие парней пригожих ловите?

Ага. Плохая девка, очень плохая. Кровинушку из семьи уводит, беспризорница. Правильного и хорошего кровинушку, который до встречи со мной в студенческих угарах о семье только тогда вспоминал, когда на очередную пирушку не хватало.

— А мы любим их заманивать. Вот как ваше зло из чащи.

— Он тебе подобных особенно и любит.

— Вашек?

— Тот самый, из леса.

— Пф! — я не удержалась. Ну уж очень похоже прозвучало на детскую страшилку. Тот самый из леса, который живет в темной чаще. Любят же старые люди небылицы собирать на пустом месте, а после каждому встречному рассказывать. Я какой-то период жизни провела у пожилой родственницы, тоже наслушалась.

— А на что ему девушки? — решила подзадорить старуху, а та в ответ зашлась хриплым каркающим хохотом.

— А Вашек не объяснял, зачем мужику девка?

— Так зло не просто человек? Он еще и мужчина? Эх, все несчастья у девок из-за мужиков.

Глаза старухи недобро сверкнули. Она погрозила мне ложкой, а после воткнула ее в кашу и резко придвинула почерневший котелок ко мне.

— Ешь вот.

Я с трудом удержала тоскливый вздох и посмотрела в окно, за которым темнело.

— И когда Вашек вернется? — пробубнила под нос, но старуха умудрилась расслышать.

— А ты не к юбке ли собралась парня привязать? Наведался он в кои-то веки в родную деревню, праздник у мальчика. Гронду¹ закончил, с друзьями отпраздновать приехал.

Именно. Еще и меня притащил с бабушкой познакомиться. Чтоб икалось ему! И ведь не в старом родительском доме оставил. Наверняка с друзьями свой выпуск

¹ Гронда — общепрофессиональное высшее учебное заведение, после окончания которого специалисты получают распределения на места работы.

там отмечал, неспроста уговаривал у бабушки переночевать. «Она милейшая старушка, присмотрит за тобой. Просто мужская компания подобралась, тебе скучно будет». Теперь понятно, отчего его родители дом оставили и в город перебрались, с таким-то милым одуванчиком под боком власть не наживешься. В последний раз я поддалась на подобные уговоры.

— Сама небось ничего не заканчивала!

Я уже заметила, что «милейшая старушка» не особо нуждалась в моих ответах, она вполне обходилась собственной болтовней. Но удержаться не смогла.

— Я окончила кастелану¹.

— Пф! — выдала старуха.

Такую же снисходительную реакцию я встречала у ее внука, который с гордостью вертел вчера перед моим носом именным медальоном с золотыми вензелями.

Да бездна огня с ними! Зато я сама деньги на обучение заработала и честным трудом, а не как некоторые намекали. В престижный салон тоже сама устроилась на работу. И у меня даже наследство имелось в городе. И хотя Вашек заявлял, будто дом годится только под снос, я планировала потихоньку привести его в порядок. Когда-нибудь. Когда средства появятся.

В животе заурчало, и я слизнула с кончика ложки кашу. Она оказалась неплоха. Особенно на мой непритязательный вкус, и я принялась угощаться.

— А огонь-то на косах так и пляшет. Точь-в-точь ведьма. Уж не приворожила ли Вашека? Вот карты раскину.

Я чуть не подавилась. Ведьма?! А они здесь на каком моменте развития застопорились? Может, до появле-

¹ Кастелана — узкоспециализированное учебное заведение, где обучают определенной профессии без широкого охвата разнообразных наук, как это происходит в гронде.

ния стихийной теории? Еще окажется, будто в основе мироздания вовсе не четыре стихии лежат, но высшие существа, одарившие людей разумом. А еще современные технологии медленно разрушают основы вселенной. Потому и печь на дровах, а вместо электричества свечка посреди стола, чей отсвет и заставлял мою косу отливать вишней.

Все, провела деревеньку, пора и честь знать. А то ж не к ведьме, так к русалке припишут. Окажись я мужчиной, могли бы и к чернокнижникам отнести или к алхимикам. Таких в Средние века было пруд пруди. На каждом шагу встречались.

— Ты не хмыкай, — пробубнила старуха, раскладывая на столе карты. Опять же, гадала она, а ведьмой называла меня. За цвет волос! Да-а. А не пойти ли спать? Что бы ей карты ни сказали, а костра очищающего можно не опасаться. Минули те времена, да и кровинушка ее, когда предложение делал, не зря мне в вечной любви клялся. Бабкиных членовредительных потуг не одобрит.

Я зевнула и, буркнув: «Спасибо за ужин», — подхватила тарелку, ополоснула в деревенском умывальнике и отправилась в постель. Удобств здесь, конечно, не водилось, но кувшин с тазом у кровати имелся, а под кроватью — ведро. Я постояла некоторое время, таращась на это раритетное богатство, после чего принялась расплетать волосы. В отличие от того же Вашека, который мог после очередной пирушки с друзьями завалиться где попало и в чем попало, я предпочитала спать умытой и в ночной рубашке.

Волосы опустились ниже талии, щетка тихо шуршала в полумраке, рассыпая по длинным прядям красные искры, которые вспыхивали так ярко из-за огня свечи. Даже на свету мои волосы отливали бургунди, только если по ним скользили солнечные лучи, в остальное

время это был обычный темно-каштановый оттенок, который я никогда в жизни не пыталась разбавить современными красителями.

Задумчиво поглядев в окно, верхняя половина которого оставалась не прикрыта занавесками, полюбовалась на полукруглый бок наливающейся луны. Вдалеке шумел темными кронами тот самый лес, а в форточку долетал стрекот кузнечиков.

Что всегда нравилось мне в деревне: сельская тишина и живительный воздух, который можно было пить, точно родниковую воду. Однако отсутствие благ цивилизации шло в явный минус.

Положив щетку, поворочалась немного, подоткнула под бок одеяло, и сама не заметила, как провалилась в сон.

— Вашек пропал!

— Как пропал? — я в шоке уставилась на одного из друзей, явно мало пьющего или быстро трезвеющего, который единственным добрался до старушечьего домика этим ранним утром и поднял нас обеих с постели.

— Так пропал. Все парни на месте, а его нет.

— Где его нет, ирод ты этакий?! — кутаясь в шаль, крикнула старуха и схватилась за изогнутую клюку, прислоненную к печке.

— В избушке. Мы, матушка Эга, на спор решили к старому дому наведаться. На смелость друг друга испытать.

— Каким образом испытать? — подбоченилась я, оглядываясь в поисках такого же подходящего орудия, как у старухи.

— Кто не побоится там заночевать.

— И что, Вашек не побоялся?

— Мы вместе заночевали, — переступил с ноги на ногу парень.

Пьяные, разудалые, а поодиночке не отважились. Вот что старухины сказки с людьми делают.

— Ночью, мне слышалось, волки в лесу выли.

— Отродясь в нашем лесу волков не водилось! — вскинулась старуха.

Хм, а мне говорила, будто перевелись звери после заселения в чащу зла.

— В доме каком ночевали? Старом-престаром, с заколоченными ставнями, окруженном частоколом и железным забором?

— Э-э, — парень почесал макушку, — нет там железного забора. Кабы был, что нам те волки? Зато хибарка хлипкая, дверь еле держится, а в комнатухе мы вшестером едва уместились.

— А вой не спьяну примерещился? Может, Вашек с вами и не ходил никуда? Спит себе в родительском доме.

— Вместе в хибаре той пили, я помню, а утром его хватились.

Задумалась, пока парень, обернувшись к старухе, размахивал руками и убеждал прошерстить лес. Что мы в итоге имеем? На спор вся орава горе-друзей в пьяном угаре отправилась в чащу. В избушке довели себя до полной кондиции, затем ночью услышали волков и перепугались так, что, едва рассвело, ринулись обратно в деревню, а Вашека где-то потеряли. Немудрено, если в доме и позабыли. Я-то знаю, как беспробудно женишок спит, когда в опьянении. Он мог волков и не слышать вовсе.

— В избушке все обыскали? — попыталась упростить поисково-спасательную операцию.

— Чего там обыскивать в одной комнате? — удивился парень.

Я вздохнула и отправилась натягивать более удобную для лазания по лесу одежду.

Пара мужиков — надо отдать должное: матерых и при ружьях, — одна невеста, трое стойких дружков, кого смогли растолкать после беспробудно-бессонной ночи, — двое почили в глубоком сне, не поднявшись на поиски, — и старушка с пучком тлеющих и жутко смердящих трав, беспокойно то ли бормочущая под нос заклинания, то ли спрашивающая разрешения, но в целом очень гармонично завершающая общую картину мощного поискового отряда.

В лес углублялись со знанием дела. Впереди шагал один из мужчин покрупнее, позади тот, что помельче, а в центре все мы, по сути, совершенно бесполезные в случае выхода из кустов давешних волков, медведя или на худой конец несчастного заживо замурованного в избушке злейшего зла.

Сам домик возник перед глазами довольно быстро, я предполагала, что он очутится где-то в уж совсем непролазной чаще и выглядеть будет не как заброшенная избушка с картины в стиле сельская пастораль. Розовые кусты, пусть и колючие, но упоительно благоухающие распустившимися бутонами, довершали столь чудный пейзаж, что я даже не удивилась тому, как частокол вдруг оказался аккуратно покосившимся заборчиком. Единственным штрихом, хорошо вписавшимся во вчерашнюю страшную сказку о злобном зле, явилась сама старушенция, которая окурила сперва калитку, а после и входную дверь своим веничком. В единственную комнату избушки зайти оказалось непросто. Из-за дыма. У меня глаза заслезились, а голова загудела не только от бормотаний, но и благодаря ядреному запаху.

По-быстрому распахнув жалобно заскрипевшее окошко и прижав к лицу платок, я принялась оглядываться. Старушка уже выскользнула из дома и начала наматывать вокруг него круги. Внутри было пусто. Старая деревянная лавка и стол. Ни покрытых копотью котлов,

ни развешанных под потолком сушеных жаб и ящериц, ни алхимических пробирок, ни на худой конец тощего кота, злобно сверкающего глазами из темного угла. Даже чернокнижного жертвенного алтаря в центре комнаты не оказалось и попитра под черную-пречерную книгу. Вот совсем. Как неинтересно-о-о!

— Я говорил, нет его! Надо кругом дома следы искать! — заглянул в избушку друг Вашека и мгновенно исчез за дверью, не выдержав аромата курений. Старушка ему в ответ издала нечленораздельный звук по ту сторону из-за угла, однако я осталась внутри, раздумывая, что в любой уважающей себя избе должен быть подпол или, как там раньше говорили, погреб.

Глаза слезились, в голову набили ваты. Уж не знаю, что за курения использовала славная матушка Эга, принявшая меня за ведьму, но было дело, когда мы с ее внуком заглянули на одну вечеринку, с которой я сбежала сразу, а Вашек чуть погодя. После он полночи вещал мне о летающих розовых пони. Если и этот дым обладал галлюциногенными свойствами, то мой без пяти минут бывший жених пойдет работать по распределению сразу, как срстит себе перелом.

— Отлично! — я наконец-то узрела кольцо в полу. Обычное такое, железное и ржавое. — Кх, кх, кх! Да чем она тут обкурила?

Даже не являясь поклонницей трав непонятного происхождения, влияющих на психику самым неадекватным образом, я знала о последствиях возможного воздействия. Но и в этом случае не ожидала подобной подлости от старушки. Уже почти дотянулась до кольца, когда по моей шее провели... как будто рукой. Настолько нежно и ласково, что мурашки, побежавшие по телу, оказались размером со слона. Сердце, определенно решившее выполнить функцию слезящихся глаз, со-

бралось выскочить из груди и воочию наблюдать, что в пустой избушке точно никого нет. Никогошеньки!

Я плюхнулась на заднюю точку, попыталась успокоить колотящееся сердце и огляделась. Избушка была пуста. Дверь распахнута. Снаружи доносились голоса переговаривающихся между собой людей. Солнечные лучи пронзали задымленное пространство.

— Вашек, — позвала хриплым голосом и со страха — да чтоб всем сказкам о древнем зле пусто было — так дернула за кольцо, что крышка со скрипом стала подниматься. Внизу оказалось темно, но слуха коснулся лучший звук на свете — знакомый храп.

Вашек! Я закашлялась и уже хотела позвать тех, кто снаружи, когда от испуга выпустила кольцо, а крышка снова грохнулась на прежнее место. Просто, когда к осязательным галлюцинациям подключаются слуховые и негромкий голос тихим ветерком касается уха и шепчет: «Здравствуй», становится ну прям совсем хорошо.

Чисто по инерции вновь огляделась, прижимая руки к груди. Ветерок в солнечных лучах красиво взметал дым от порога и обращал его в причудливые фигуры. Вот дымные клочья изогнулись в форме крыльев большой птицы, вот они показались развернутой ко мне головой большого зверя, а вот разорвались провалами глаз, рта и легли волнами длинных волос на плечи мужской фигуры!

— О-о-ой.

Дым снова подернулся ветром, и протянутая ко мне рука вытянулась сизой старушечьей клюкой. Паника нахлынула как-то совсем внезапно — только что я собиралась сигануть в подвал к Вашеку, а вместо этого рванула на выход. И это решение было более правильным. Там по крайней мере маячил свежий воздух.

Я влетела в мужчину у самой двери. В дымные призрачные объятия, опутавшие точно сеть, в которой я забарахталась. Вероятно, ноги заплетались, и руки не могли нащупать проем выхода под действием сильнодействующего препарата, вот только глаза видели жутко притягательного мужчину. Поджилки тряслись от страха, но из-за необъяснимого притяжения меня точно магнитом приклеило к клочку пола на границе комнаты и двери. А ведь впереди был залитый солнцем проем, позади — подпол, где спал мой жених, но я замерла, словно кролик перед удавом, запрокинув голову и определенно наблюдая перед собой склоненное лицо. Я даже видела, как губы шевелились. Как они произносили что-то тише шепота. И чувствовала руки на своих плечах, прикосновения пальцев к коже, хотя краем глаза замечала, что кругом сплошной сизый дым. Высокая гибкая фигура просто мерещится мне. Как и поцелуй, забирающий остатки воздуха в легких.

«Назови...»

В голове звучал голос.

«...имя».

Луч солнца упал на кулон. Он преломился в янтаре, рассыпавшись во все стороны огненными лучиками, разорвав калеными гранями очертания касавшихся губ и темные провалы глаз, заплывав, точно отблеск свечи, красными искрами в упавших на лицо прядях волос, пронзив острыми шипами сизый дым и задрожав на грани сознания едва различимым яростным криком: «Ана!»

Я никогда не падала в обморок. Ни разу в жизни. Вот и сейчас тоже. Только осела на пол тяжелым, неподъемным кулем, хватая ртом воздух.

— Воздух — суть дыхания... — не закончила ритуальной фразы обращения к стихиям, вытянула руку к порогу и без сил уронила на нее голову. В мыслях царил

хаос, в легких горело, тело онемело. Прикосновения бесплотных губ и пальцев оставили на коже невидимые ожоги. Бред какой-то, это все нереально, но так осязаемо...

— Сэйна! — поток сознания оборвался где-то на фразе: «Сумасшествие». — Ты что?

Меня приподняли над полом реальные мужские руки, и друг Вашека обеспокоенно заглянул в лицо.

— Вашек в подвале, а я упала, — оказалось, что человеческая речь не отказала, хотя голос звучал глухо и хрипло. Вероятно, напрасно решила, будто онемела. Может статься, я даже была в состоянии произнести имя.

Поморщилась, голова качнулась из стороны в сторону, когда я попыталась напрячь мозги и понять, что за имя хотела произнести.

— В подвале?

Друг меня выпустил, а сам рванул в глубь комнаты, повинувшись указующему жесту. Он поднял крышку с еще большим усилием, чем я, и бодрый храп вновь разнесся по комнате.

— Эй! — раздался громкий крик, загудевший в моей голове подобно тяжелому колоколу, — я нашел Вашека. Все сюда!

Глава 2

— Из чего вы вяжете свои пучки?

Я помассировала пальцами виски и потянулась к кружке с горьковатой гадостью, которая, впрочем, мигом уняла сухость и зуд в горле, не желавший проходить и после трех стаканов воды.

Старуха с ворчанием бухнула отвар перед моим носом после очередного стенания на тему кошмарной вони и слезоточивого дыма.

— Знамо дело, из ведьминой травы. Дабы зло отгонять. Неспроста головушка у тебя болит, — сверкнула глазами милейшая бабушка Вашека, на что сидевший рядом жених простонал: «Мне от нее тоже нехорошо. Надышался в подвале».

Ну-ну. Дымом он надышался, как же.

Матушка Эга возмущенно зыркнула на внука, после чего наполнила еще одну кружку.

— А мне можно? — донесся робкий голос друга-спасителя, вызволившего жениха из подпола.

— Я всегда вам говорила, — потрясла пальцем старуха, протягивая третью посудину с животворящей жидкостью, — не ходите в старый дом. В лес шага не ступайте! Чего вас потащила нелегкая?

— Ба, тогда нам по пять лет было. С тех пор лес излазили вдоль и поперек.

— Дурачье! И вот эту туда же понесло.

— А? Сами-то вы еще долго Вашека искали бы по лесу.

И, кажется, никто особо не отговаривал, даже рассуждения помню, будто любовь в девичьем сердце верный путь укажет. Вот она и указала, мигом узнав громopodobный храп.

— И если уж говорить о вреде, то все живы-здоровы, а злее всего оказалась только ваша травка.

Мои слова и выражение лица старушке не понравились. Кабы милейший одуванчик сумел, просверлил бы во мне дырку глазами.

— Берегись, девка, — и пальцем погрозила, смерив таким взглядом, будто ведьма во плоти не только невинное чадушко приворожила, но и обманом в лес загнала, чтобы повод был поискать и в избушку наведаться. — Берегись, коли приметил! А иначе не будет спасения.

А мне даже обидно стало, ведь я Вашека отыскала, несмотря на галлюциногенный дым.

— Спасения от кого?

— Духа древнего!

— А имя у духа есть?

— Окстись! — рявкнула старуха. Я едва отвар не пролила.

— Коли душа имя узнает, то и прошлую жизнь припомнит. А припомнит, так и тело отыщет. Отыщет тело и силу вернет. Наведет чары на всех, кто его одолел, да наступит конец этому миру.

Мы с Вашеком и его другом переглянулись. Меня уже давно отпустило действие травки, а потому становилось ясно, что кабы не она, я бы с дымом в домике не обнималась. Жених с другом и вовсе к байкам привыкли. Наверняка настолько, что те уже в печенках сидели.

— Ба, хватит, — подтвердил мой вывод Вашек. — Наслышаны про зло из леса, про девок и прочее.

— Ага, — поддакнул друг.

Даже я не смогла удержаться, припомнив кашель, слезящиеся глаза и галлюцинации.

— Он явно девушек отлавливал, чтобы имя вызнать.

Хмыкнула, парни согласно хрюкнули в свои кружки, а старушенция схватила за клюку и так саданула по столу, что посуда зазвенела.

— Шутки все шутишь? — и вытянула палку ко мне, пришлось даже отклониться. — Не той имя известно, из кого силу берет, а той, кого сам позовет. Начнет тогда гадать, да вдруг и угадает!

Ее лицо перекосилось, глаза потемнели, а у меня едва внутренности узлом не стянулись, так бабуленция злобно скривилась. Вот уж не задалась отношения с будущей родней.

— Ба, ну ты чего? — заступился Вашек, я же поднялась.

— Ну, как у вас говорят, спасибо за хлеб, за соль, пора и честь знать.

Старушка разом растеряла весь пыл.

— Уезжаете? — беспомощно глянула на внука. А тот в ответ примерно с тем же выражением посмотрел на меня.

— Сюша! — теперь меня перекосило. — Ведь договаривались на два дня.

Молча повернула в сторону двери. Дернуло же за язык согласиться. И ведь долго уговаривал. Как чувствовала, что мне здесь будут не рады.

Я тщетно силилась игнорировать поскребывания с той стороны. Мало того что посреди ночи разбудил, зараза, так теперь и дальше уснуть не давал. И это не смотря на все, что я ему высказала.

— Вашек, катись! — не выдержала притворяться спящей. Впустую только спальню отвоевала, а его спроводила на диван в большой комнате.

— Сю-у-щечка-а, — с той стороны тихонько провыли ровно в той тональности, которая была неспособна потревожить сон наслаждавшейся заслуженным отдыхом старушки в соседней спальне. Но ведь я тоже заслужила! Так за какой бездной огня этот теперь уже точно бывший жених до сих пор не ушел в неизвестность?

— Феюшка моя.

Дурная вера в иных существ — это семейное, и то, что на смену ведьме пришла фея, в общем-то не меняло демоническую сущность неспящей девушки.

— Я скоро так намагичу, мало не покажется, — рывкнула достаточно тихо, но весьма эмоционально.

— Сэйна, у меня реально проблема.

А этот тон был хорошо знаком. Я даже насторожилась, пытаюсь распознать лживые нотки.

— Какая проблема?

— Серьезная.

Да что ж такое! И ведь не врет!

Замок негромко щелкнул, дверь отворилась почти без скрипа, а Вашек мрачной трезвой тенью просочился в комнату.

— Ну? — я скрестила руки на груди.

— Медальон, — поведал жених, и я заметила неслабую бледность, разлившуюся по его щекам и теперь переползавшую на подбородок. Признаться, у самой захолодело в груди.

— Именной?

Мрачный кивок.

— Потерял? — прижала руки к сердцу, не желая верить в смысл повторного кивка и пытаюсь осознать, что эта дубина стоеросовая где-то посеял именной медальон, выданный ему в честь окончания гронды. Тот самый, единственный в своем роде, на золотые вензеля которого я смотрела, затаив дыхание, отчего сам Вашек буквально лопался от гордости. Отличительный знак, что подтверждал подлинность обучения в высшем заведении и не мог быть подделан. Медальон, дававший право с гордым видом заявиться по адресу распределения и без лишних проверок предъявить его будущему работодателю. Уникальная золотая вещь стоимостью в пять лет учебы, за которую не я одна убила бы, имей способность изменить вензеля чужого имени и все тайные знаки, отмечавшие подлинность вещи.

— Он самый! — парень прервал мои мысленные словоизлияния и обреченно провел рукой по лицу. И вот честно, не будь он под два метра ростом и имей я возможность дотянуться до волнистой пустоголовой макушки, саданула бы со всех сил.

— Дуре...

Соглашусь, что превысила допустимые децибелы, а потому рука Вашека, закрывшая рот, очень кстати погасила мой вопль.

— М-м-м!

— Только не кричи.

Я согласно кивнула. Он выпустил меня и, запустив ладони в волосы, принялся бесцельно слоняться по комнате взад-вперед.

— Где потерял?

— Не знаю. Помню, как обмывали его с друзьями и что он все время был со мной.

— В дом, значит, брал? — можно было не уточнять. Чтобы Вашек да упустил такой повод похвастать!

— А если в подвале остался?

— Зачем ты вообще туда полез?

— Не помню толком. Кажется, сокровища искать. Мы с парнями с детства байки слышали, будто в стене заброшенного дома клад замурован. А сверху все стены бревенчатые, только в подполе земляные. Где еще муровать?

— О, как логично вы рассудили. И что, нашел клад? Или на медальон выменял?

Вашек громко вздохнул.

— Помню, что первый полез, а остальные не поместились.

— И решили выпить за твою удачу, раз даже позабыли, куда ты делся?

Жених пожал плечами.

— Я пару раз по стене долбанул, потом устал. Уснул как-то незаметно.

— Не ты один. Друзки твои только поутру заметили, что одного недостает. Правда, самый трезвый еще волков слышал. Ну и как теперь? С тобой сегодня за медальоном отправятся?

— Да я как бы, — он замялся, — не говорил им. Сама понимаешь, вещь золотая и..

— Уникальная?

— Редкая вещь. Хотя по назначению только хозяин использует, но стоит все равно недешево.

— Прекрасно!

Жених совсем загрустил, а я повторила его тяжелый вздох, в очередной раз подумав, что некоторым все слишком легко достается, что они в принципе не умеют ничего ценить, оттого и теряют столь просто.

— Значит, не доверяешь друзьям?

— Ну не то чтобы... к тому же они на радостях отметили успешные поиски. Заглядывал к ним, снова невменяемые.

Я насупилась и глянула на Вашека исподлобья, оценив, что к друзьям он не присоединился, значит, все-таки сильно переживал потерю.

— Знаешь, последнее чего хочется, это тащиться ночью в лес и снова посещать ту милую избушку.

— Бабушка с нами не пойдет, — принялся убеждать парень.

— Хотя один плюс. Предлагаю даже не брать с собой ее любимые травки, иначе не скоро вернемся.

— Ты пойдешь со мной?

— А одному страшно?

— Вдвоем отыскать быстрее.

И отыскать, и по-тихому вернуть, чтобы слух не прошел. А иначе и вовсе раритета лишат. В назидание. Бывали уж случаи. О восстановлении и говорить нечего. По крайней мере не при сегодняшнем главе элитной гронды Вашека, благодаря строгости которого обучение в ней поднялось до нынешних высот. Зато и распределения стали на порядок выше. Не зарплата, мечта!

— Надо незаметно сходить и быстро вернуться, — подтвердил мои умозаключения парень.

— Не знаю, твой друг волков слышал.

— Какие волки? Через лес напрямик за двадцать минут можно к дороге до города выйти. Если когда-то это называлось чащей, а в ней обитал кто-то страшнее белки, то явно лет сто назад, не меньше. Так ты идешь?

— Только чтобы осветить в темные углы, дурень, ползать в грязи и пыли будешь сам. А после мы прямо с утра вернемся в город, и я не стану более навещать твою милейшую старушку и разудалых друзей, сам к ним езди.

— Я тебя люблю! — жених ухватил в медвежьих объятиях, и в спине даже что-то хрустнуло. Крепкий он у меня был и, что греха таить, очень симпатичный, потому и мирилась с некоторой придурью. Избаловали единственного ребенка с детства, теперь я расхлебывала.

Высвободившись из рук Вашека, принялась собираться.

Ночью старая избушка выглядела гораздо загадочнее. Пустое окошко с распахнутыми мной же ставнями смотрело темными глазницами, а незакрытая дверь поскрипывала от дуновений ветра.

— Вашец, — я ухватила за ладонь уже занесшего ногу над крыльцом жениха и крепко вцепилась в нее. Нужно признать, парень и правда не боялся в отличие от меня. Хотя атмосфера располагала. — Не хочется туда входить.

— Я же не могу оставить тебя снаружи. Идем. Ты в избушке посмотришь, а я — в подполе.

И он протянул длинную серебристую трубочку, которую накануне отъезда зарядил до полной отметки. Будто предполагал, что мы обязательно куда-то полезем ночью.

С большой неохотой и еще большим неудовольствием зашла следом за ним в пустую комнату и притворила дверь. Вашец сразу направился к люку и поднял крышку. Он спрыгнул вниз еще быстрее, чем я щелкнула кнопкой светоча.

— Сэй, ни стихии не видно, — проворчал снизу жених. — Эти бабулины кристаллы!

— Какие? — я присела на корточки и осветила на Вашека, тот держал в вытянутой руке светящийся кристалл на веревочке. — Еще один раритет? Тоже прошлый век?

— Не со свечкой же идти, — пробурчал жених, — а светоч только один, думал сможем одновременно искать.

— Так на солнышке подержал бы свой кристалл, а после светить пытался, — фыркнула на стенания жениха и принялась водить лучом светоча по всем углам, пока Вашек поднимал камни и комья земли, ища под ними.

— Нашел?

— Нет еще.

Жених громко рылся внизу, точно крот.

— Сюда посвети еще. Кажется, что-то блеснуло. Да вот же он!

Луч света отскочил от гладкой поверхности медальона, торчавшего из земляной стены.

— Как он в стене оказался? — не меньше моего удивился Вашек.

— А ты, случайно, не там клад искал? — съехидничала я, когда жених принялся выколупывать кругляш. — Не им вчера копал?

Парень проигнорировал издевку и потянул медальон, вырывая вместе с земляным комом. В тот же миг вся стена рухнула.

— Вашек!

— Я в норме! — жениха присыпало наполовину, но благодаря габаритам не до конца. И он принялся разгребать уже самого себя.

— Медальон снова не потерял?

— В кармане уже... Сэй!

— Что!

— А ну свети в этот проем.

Выдохнули в унисон и остолбенели практически одновременно. Стена не просто осыпалась, она открыла деревянные подпорки, которые одновременно формировали решетку и поддерживали другие поперечные балки, вероятно державшие собой потолок.

— Мра-ак, — протянул Вашек, когда дар речи к нему вернулся.

— А что там? — я практически свесилась вниз, вглядываясь в темноту за решеткой.

— Ручаюсь, здесь точно зарыли клад!

— Выкопав яму в человеческий рост?

— А что еще тут может быть?

— Темница?

— Ты бабулиных рассказней наслушалась?

— А ты чьих наслушался, что в клад поверил?

— Да кто только из деревенских про клад не болтал.

Спускайся. Ничего не видно в этой темноте.

Я осторожно сползла вниз с помощью Вашека и даже поместилась с ним рядом, в отличие от медведей-дружков. Направила луч за решетку.

Странное дело, свет рассеивался настолько, что мы не могли увидеть ничего по ту сторону. Вероятно, пространство было большим, и лучу не хватало мощности, чтобы дойти до противоположных стен.

— Дай-ка на ощупь проверю.

Вашек просунул между прутьями руку, после попытался протиснуться сам.

— Ты не застрянь там, — посоветовала ему, соотнеся габариты жениха и расстояние между прутьями.

— Да уж, — он разочарованно подался назад, с заметным трудом пропихнувшись обратно, и оглянулся на меня. — А вдруг там до сундука или сундуков рукой подать, а я дотянуться не могу? Представь себе, если у нас под носом целая куча денег. Сколько всего можно купить! Даже дом твой, — хитрец затронул больную

тему, — отремонтировать. И родне всей нос утереть на этом вашем ежегодном сборище.

Я на миг прикрыла глаза, представив лица благодетелей-родственников и то, как они вытянутся. А еще можно будет открыть собственный салон, покинув «Модельных собачек» с их истеричными хозяйками. Ах, мечты! В реальной жизни подобные клады находят весьма редко, хотя не спорю, что тому виной случайности вроде этой. Но все равно не верю. С другими случается, а со мной жизнь всегда поразительно реальна.

— Ни зги не видно. Сейчас я выбью пару палок и...

— С ума сошел! Потолок рухнет, а следом вообще все осыплется. Это же похоже на темницу-ловушку, как в древности сооружали. Читал про такие?

— Эм-м.

— Выбьешь одну палку, и пошатнется вся конструкция.

Я для верности ухватила разошедшегося жениха за локоть.

— Уж тебе следовало знать. Медальон об окончании гронды за что?

Вашек фыркнул и принялся водить по прутьям ладонями, замеряя пространство между ними.

— Сюша, ты ведь худенькая. Точно пролезешь.

— Мне даже не видно, что там.

— Я буду держать тебя за руку. Попробуй пролезть, если что, мигом затащу обратно.

Признаюсь, я могла бы и дольше колебаться, но обстоятельства сложились такие... будоражащие. Во-первых, любопытство. Во-вторых, надежда. В-третьих, адреналин. И, конечно, ощущение поддержки Вашека сыграло свою роль. Все это вместе перевесило чашу сомнений и опасений в пользу пролезания сквозь прутья.

Застрjala я совсем чуть-чуть в самой выпяченной части тела, но любимый жених с чувством протолкнул сквозь решетку. Он, как и обещал, крепко держал за ру-

ку. Я же, прижавшись спиной к прутьям, скользила лучом в темноте. Точнее, сделала попытку. Светоч мигнул и погас.

— Э? — выдал за спиной Вашек, пока я судорожно щелкала кнопкой и в испуге стискивала пальцы жениха. — Что там?

— Светоч не работает.

— Вечно он барахлит в неподходящий момент! — проворчал парень. — Погоди-ка.

Он забрал металлическую трубочку и сунул мне в руку кристалл.

Камень на ладони внезапно разгорелся ярче, словно абсолютная темнота была именно тем, что ему требовалось. Я вытянула руку с веревочкой, позволяя кристаллу качнуться вперед, разбрасывая по кругу лучи. Темнота не отступила, но рассеялась ровно настолько, чтобы лишний раз подразнить, побуждая непрошеного гостя продвинуться еще дальше.

— Ну? — теребил меня Вашек.

— Толком не разглядеть.

Я сделала осторожный шаг вперед, ощущая твердую почву под ногами, и решилась отпустить на секунду пальцы жениха. Еще один крохотный шаг и... сорвалась.

Дыхание перехватило, в ушах засвистело, мысль: «Там кругом был земляной пол!» мелькнула по краю сознания, ладони чиркнули пустоту, и я сиганула вниз с обрыва.

— Вашек! — крик гулом разнесся по темному пространству, когда в легких оказалось достаточно воздуха для вдоха и для призыва о помощи. Голова кружилась, тошнило столь сильно, что, едва прокричав имя жениха, я тут же зажала руками рот. Но мозг работал четко, и он зафиксировал удивительный момент — удара не последовало. Упав, я нисколько не ушиблась, однако ощущение прыжка осталось отчетливым и ярким.

А еще вокруг была пещера. Темная, сырая, и стены проглядывали в полумраке, а все кругом неровно освещалось бликами от слюдяных вкраплений в породу.

— Четыре стихии! — огляделась, слушая мерный стук капель воды и неясные шорохи. Кристалл лежал тут же, возле ноги, словно я просто присела на корточки, а не сорвалась в небытие. Его свет оказался удивительно похож на мерцание остальных минералов в этом странном месте.

В полумраке не было видно деталей, но осмотреть закрытое пространство, чтобы в шоке остолбенеть, мне удалось.

— Вот и не верь после этого бабушкам, — прошептала самой себе, чтобы просто услышать голос и понять, это действительно я, живая, невредимая, самую малость тронувшаяся рассудком.

Ущипнула руку и осознала — это все еще я и именно мои глаза видят распятого у одной из стен человека. Словно в какой-то древней легенде — руки за запястья прикованы к скале, ноги вмурованы в гранит, а вокруг шеи широкий металлический ошейник. Голова бессильно свесилась на грудь, а вся фигура выглядит застывшей и неживой. Как изваяние, но выполненное очень искусным скульптором.

— Вашек, — позвала тихо и жалобно, но жених не откликнулся. Признаюсь, если бы мужчина у стены вдруг поднял голову, отреагировав на призыв, я рисковала получить настоящий разрыв сердца, но он не подавал признаков жизни.

Будь на моем месте какая-то другая девушка, например романтическая героиня повести, она бы непременно двинулась вперед к незнакомцу, но я не страдала отсутствием мозгов. По крайней мере прежде. Даже могла похвастать тем, что раньше мои поступки отличались логичностью и последовательностью, если не принимать во внимание факт поиска сокровищ на пару с же-

нихом. Вероятно, там сверху упало что-то на голову, и сейчас бред казался оглушенному мозгу настоящей реальностью.

Стена за спиной, по которой тщетно шарили мои руки в поисках отверстия, поражала шероховатостью, твердостью и полным отсутствием даже намека на выход. Его не было совсем нигде. Замкнутое пространство некой подземной горы, тихий шелест капель, призрачный свет и стущающаяся в душе паника. Я старательно сдерживала желание заорать и не сдержала, когда в голове раздалось: «Ана».

Визг заполнил собой темное пространство, отразился от стен, разбился о камни и умножился стократным эхом. Когда его отзвуки стихли, я и правда верила, что случится обвал. Но камни не пошевелились, как и человек у стены, к которому приморозился мой исполненный страха взгляд. И это явно не он говорил в моей голове.

«Ана».

Я стиснула уши руками и принялась оглядываться, паника уже трансформировалась в ужас, от которого хотелось забиться куда-нибудь под один из каменных валунов. «Воздух — суть дыхания, вода — исток жизни, пламя — искра сердца, земля — ядро разума. Стихии, даруйте защиту и дайте сил. Проясните мысли, осветите путь». Я шептала на едином выдохе, призывая ритуальной фразой спокойствие снизойти на меня, всегда такую сдержанную и разумную. Спокойствие не снисходило. Оно не сподобилось рухнуть следом за мной к подножию этой горы.

В моей голове звучал голос. Чужой голос.

— Кто такая Ана?! — страх сорвал вопль на хрипящий шепот.

Стихии, может, это капли шуршат? Они всего лишь стучат о камни и выбивают ритм, а для меня он звучит подобно имени?

Я стиснула ладони и задала самый идиотский вопрос в стиле героини из слезливого чтива, над которым здравомыслящие люди — к ним прежде относилась и я — могли только потешаться:

— Кто здесь?

«Никого. Ни одной живой души, кроме тебя», — было самым здоровым ответом, но я уже прочно сроднилась с незадачливой героиней, поскольку к глазам подступили слезы, а в мозгу множились голоса.

«Ана, Ана, Ана», — шепот, как легкое дуновение.

— Здесь нет Аны! — визг опять пронесся по пещере, а я сосредоточила взор на единственном объекте, который здесь находился. — Вы, вы... Это вы говорите?

И дураку было понятно, что не он. Значит, ко мне не подходило звание дуры, а вот помешавшейся — вполне. Но как такое могло происходить на самом деле?

И ведь в этот раз не было зелья. Если только мы с Вашekom не надышались ядовитыми парами в том подвале после обвала стены. Это могло стать объяснением? Могло. Пещера, прикованный мертвец, звуки в голове. Откуда им еще взяться?

Капли шелестели, а я слышала голоса. Оглядывалась в пугающем пространстве, и казалось, будто эхо чужих слов отскакивает от стен. Они просили что-то сделать, а может, напротив, требовали не делать. Из этой какофонии я не могла понять ни звука, но при этом слушала: «Сэй Ю Ари Тэ Анна, Мэ Ю Нэр, Сэй Ю На, Сэй На».

Я вздрогнула сильнее, чем когда-либо прежде, ощутив промозглый сырой озноб.

— Вашек? — задрала вверх голову, но увидела лишь потолок пещеры.

Вновь положив ладони на камень, принялась на ощупь передвигаться вдоль стены подальше от застывшей фигуры.

— Я слышу! — крикнула в пространство. — Кто вы такие? Что вы говорите? Что вам нужно от меня?

Всего лишь капли стучат. Это просто вода.

Голоса отдалялись, теперь и звуки стало совершенно не разобрать. Я двигалась быстро на ощупь, позабыв позади кристалл, опустив глаза в каменный пол. Я хотела уйти как можно дальше от застывшей фигуры, пока новый вопль ужаса не сотряс своды пещеры.

В суматошном животном страхе проползла ее по кругу и не просто приблизилась к тому, от чего бежала, но почти коснулась холодной мраморной ладони, прикованной к скале, пока пыталась ощупать камень. Просто вовремя подняла голову, чтобы посмотреть вперед, и увидела застывший профиль на расстоянии вытянутой руки. Оттолкнувшись, упала и сжалась на полу, крепко обхватив колени и запрокинув голову. Казалось, еще чуть-чуть, и рассудок вовсе покинет меня, оставив насовсем в этой гулкой застывшей пустоте.

— Кто ты? — спросила шепотом. — Я хочу уйти отсюда! Как мне уйти?

Молчание, воцарившееся за чередой безостановочно дребезжащих в голове голосов, оказалось неожиданно громким. Слова отдалились и затихли, погрузив мир в тишину. Я с силой зажмурилась, прижав лицо к коленям, и перед опущенными веками вдруг сделалось нестерпимо ярко. Так ослепительно, что я пропустила падение в очередной омут со сверкающими стенами и темным бесконечным дном. Нырнула на всю глубину, чтобы среди ослепительной тьмы вдруг осознать, что вглядываюсь в омуты чужого взора и всем существом осознаю боль, сладость и тоску, а сердце сжимается от взгляда, способного убить холодной пустотой, за которой едва угадывается боль, моя боль, отраженная стократно. «Ана!» Темный колодец отпускает, выталкивая наружу под бешеный стук в груди.

Я хватаю ртом воздух и откидываю голову.

Стихии!

Это просто сон. А я сижу на полу в темной пещере. Сон? Нет. Воздействие ядовитых паров. И оттого испарина на всем теле. Плохо и тошно. А еще до сих пор больно от ошеломивших меня чувств. И невероятный контраст в ощущениях. Как на острие, по обе стороны обрывы, две противоположные сущности. Я представляла их иначе. Не знала, что одна сродни другой и может вот так ломать, выкручивать суставы и резать острым клинком. Острая боль, яркая сладость, огненная тоска. Все чужое. Все не мое. Просто помешательство. Может, стоит лечь, чтобы камень приятно охладил опаленную чувствами кожу. Или же встать? Подойти к тому, что пугает в этой пещере больше всего? Убедиться в его нереальности и покончить наконец со всем бредом.

Приятно лежать с закрытыми глазами и не шевелиться, пока чувства успокаиваются, сердце перестает невозможно болеть. Это ведь не по-настоящему. Все хорошо. И человек у стены ненастоящий. Он пришел из бредового сна, навеянного чужими рассказами, оттого столь страшит.

Тишина. Но обычная. В ней опять слышен стук капель, просто стук капель, и неясные шорохи. А свет вкраплений породы блекнет, погружая пространство в еще бóльшую темноту.

Взгляд вернулся к фигуре у стены. Не исчезла? Нет. Эта часть моего бреда пока оставалась на месте. Надо просто коснуться. Подойти. И мираж сам развеется.

Смутно отметила, как встала с пола и отправилась вперед. Никто не звал, голоса затихли. Я подняла руку. Привстала на цыпочки и потянулась вверх. Лишь прикоснусь и взгляну напоследок в это лицо с закрытыми глазами.

Вблизи стало понятно, почему фигура сперва показалась похожей на изваяние. По коже разливалось

слабое сияние из-за хрустальной корочки, отражавшей сумрачный свет. Точно кто-то заморозил этого мужчину в тончайшем слое льда. Он был холодным. Я ощутила это, дотронувшись до лица. Мираж не развеялся от прикосновения, но отчего-то не было сил бороться с желанием провести по щеке будто только-только задремавшего человека. Словно он вынес тяжелую борьбу, а после, утомившись, уснул. Опустил голову, кисти рук безвольно повисли в металлических кандалах.

Бедный, бедный. Как жаль тебя. Я прикоснулась легонько, чтобы не потревожить покой. Провела рукой неощутимо, и мгновенно со стоном отдернула.

Кристаллы льда показались сотней ощерившихся игл, оцарапавших кожу. Кровь выступила на пальцах, а капли породы вспыхнули, как настоящий огонь, и погасли. Стало беспросветно темно и ужасно тошно. Голова закружилась. Мир покачнулся, и кто-то резко дернул меня за запястье.

— Сэй!

Вашек потянул к себе, протаскивая сквозь прутья обратно в подвал. Потряс за плечи, лоя бессмысленно блуждающий взгляд.

— Вашек?

— Кто ж еще? Ты что не отвечала?

— Вашек! — я обняла его за шею, прижалась всем телом, чтобы ощутить настоящее живое тепло. Ужасно холодно, а в голове темнота и туман, хотя на полу подвала горел светоч.

— Ты нашла хоть что-то?

— Где?

— По ту сторону!

Я спрятала голову на груди жениха.

— Сэй, да что такое? — он слегка встряхнул за плечи, побуждая вновь посмотреть на него. — Что там есть?

— Там? Темно и...

— И что?

— Камень. Пещера. Холод.

— И все?

Я отпустила его и потерла гудящие виски. Под пальцами словно до сих пор ощущалась шероховатая поверхность. Ладонь покалывало. Разжала и сжала кулак, рука чуточку онемела.

Жених разочарованно приник к прутьям.

— Всего лишь пещера? Может, кто другой нашел вход с той стороны и давно вынес сокровища! А я так надеялся. — Вашек был удручен, а у меня ныло в висках, но это не помешало услышать треск и замереть, напряженно прислушиваясь.

Нет. Не почудилось! Треск донесся со стороны решетки из темной глубины.

— Вашек! Уходим отсюда, сейчас же!

Жених схватил за талию, толкая вверх, к люку.

Глава 3

Нам повезло. Причем очень. И пускай не в том смысле, в каком могло бы, найди мы сокровища, но, на мой взгляд, выбраться живыми — настоящее счастье.

— Еще пара минут, и конец!

Вашек непрерывно оборачивался на рухнувший дом.

— Мне казалось, он гораздо крепче, хоть и старый. Думаешь, там что-то сдвинулось из этих подпорок, когда ты пролезала обратно? Мне почудилось, один из прутьев пошатнулся, пока тебя затягивал. А представь себе, что я там ночью не только клад копал, но еще спал внизу. Мороз по коже! Сэй? Ты чего молчишь?

— Тоже мороз по коже.

А еще едва ноги переставляла. Никогда прежде не ощущала подобной усталости.

Вашек обнял за плечи и крепче прижал к себе.

— Все, никаких больше поисков сокровищ. Сейчас поспим, а как проснемся, сразу в город. Погулял с друзьями, пора возвращаться. Бабушке, пожалуй, лучше рассказывать не буду.

Я была совершенно согласна с его предложением.

Проснувшись от легкого прикосновения к щеке. Открыла глаза.

Предрассветный сумрак окутывал комнату. Рядом раздавалось громкое сопение Вашека, чья рука придала меня к кровати, обхватив поперек груди. А на краю этой самой кровати сидел человек. Лицо в тени, черты скрадывал полумрак, удивительно длинные для мужчины волнистые волосы до плеч закрывали скулы, и не разглядеть выражения глаз, только угадывалось, что он смотрит на меня. Зато отчетливо была видна улыбка. Она изгибала кончики губ, одновременно насмешливая и холодная: «Благодарю».

Легкий наклон головы, а меня пробрал озноб. Стало так волнующе страшно, что захотелось по-детски спрятать голову под одеяло. Я никак не могла понять, что это. Сон, явь? Кто это? Будто раньше слышала его голос, и именно он порождал странные ощущения, вызвавшие мурашки по телу.

Со всей страстью пожелала дотянуться до ладони жениха, а еще разбудить, чтобы он меня защитил. Однако пошевелиться не вышло, даже чуть-чуть, как будто все тело сковало.

Еще одно легкое прикосновение, и мужчина поймал прядь моих волос, протянул по ладони. Красные блики, которые появлялись лишь при отсветах пламени, вдруг заискрили и заплясали по гладкой поверхности, а я внутренне сжалась сильнее, слыша в ушах гул дико колотящегося сердца.

Он выпустил волосы, вновь перевел взгляд на меня, улыбка на губах, намертво приковавшая мой взгляд, на доли секунды стала ярче: «Вот и встретились снова», — а после погасла, точно огонек, задутый порывом ветра. Мужчина наклонился, но тут Вашек заворочался, пробурчав что-то во сне, а я крепко зажмурилась.

Когда открыла глаза, за окном разгорался новый яркий день и радостно щебетали птицы. Мне хотелось вспомнить, о чем был сон, но не получалось. Как это часто бывает, стоило напрячь память, как все детали тут же ускользали, а воспоминания смазывались. Я махнула рукой, и только в душе отчего-то осталось неприятное чувство досады.

В лексире, курсирующем между деревенькой и городом раз в день, я дремала на плече жениха, периодически просыпаясь от громкого мужского всхрапа. После глаза сами собой вновь закрывались. На последней остановке разбудил зычный голос водителя, громко крикнувшего «Конечная!»

Вынырнув из полудремы, зевнула и потрясла крепко уснувшего спутника.

— Вашек, проснись.

Никакой реакции.

— Хр-р.

— Вашек!

В салоне оставалось все меньше людей, водитель поглядывал со своего кресла, а жених ни в какую не желал просыпаться.

— Нам пора выходить! — потрясла парня изо всех сил, отчего он лишь громче всхрапнул.

— Вам помочь? — за плечом прозвучал негромкий голос, я резко обернулась. Мне казалось, салон уже пуст, и мы остались единственными пассажирами, вызывав-

шими недовольство водителя. Пригляделась к предложившему помощь.

Высокий и худощавый, руки в карманах широкого плаща, скрывавшего фигуру. Такой дождевик больше подошел бы для пасмурной погоды, а не теплого солнечного дня. Капюшон укрывал голову, пряча волосы и лоб, как если бы человек мерз и пытался таким образом согреться. Тень в совокупности с ярко освещенным позади мужчины окном скрадывала черты лица, не позволяя рассмотреть даже глаз вежливого незнакомца.

Мужчина застыл, демонстрируя ожидание и одновременно готовность отправиться за остальными людьми, покинувшими салон. Я тряхнула головой, не понимая, отчего напряглась и почему таращусь на него, как последняя дуручка. Голос показался смутно знакомым? Черты лица странно ускользали от моего восприятия?

Пожала плечами, так и не совладав с нелогичной и странной растерянностью, а мужчина наклонился вперед, положил Вашуку на лоб руку и легонько надавил. Даже подумалось: «Спасибо за помощь, я-то сильнее трясла».

Но каково же было изумление, когда жених раскрыл осоловелые глаза и поводит головой из стороны в сторону, пытаясь сообразить, где он находится, пробурчав: «Что так холодно-то!» Мужчина отстранился, повернулся спиной и молча отправился к выходу. А мне показалось удивительным, что у него даже сумки с собой не было. Хотя подумаешь, путешествует налегке, разве это необычно? Вероятно, тоже из деревни в город. Весь его облик был совершенно зауряден. Плащ не по погоде и даже будто не по фигуре? Случается. Позавчера дождь шел, а он иных вещей не взял, потому и ехал в оказавшемся под рукой дождевике. Ничего странного или хотя бы запоминающегося ни в словах, ни в поведении. Хотя если уж совсем пристально вглядываться, то же-

сты и манера двигаться показались чересчур плавными и какими-то вкрадчивыми. То ли идет, то ли крадется, а может, и вовсе перемещается точно тень? Я даже вперед подалась, пытаясь запечатлеть в памяти эту его особенность, когда стукнулась головой о стекло, охнула и потеряла лоб.

Увлечшись наблюдением за незнакомцем, не заметила, что провожала его глазами, даже когда он вышел из лексира и отправился прочь по улице. Опустив руку, снова прилипла к стеклу, но неприметная фигура в сером наряде затерялась среди спешащих на свои рейсы и покидающих транспортные средства людей. Я искала его среди толпы, пока Вашек не постучал по плечу.

— Сэйна.

— Ой! — подпрыгнула на месте и обернулась. Совершенно забыла про жениха и вконец недовольного водителя.

— Тебя не дозовешься. Пойдем? — парень смотрел удивленно, закинув на плечо сумку. — Ты что там увидела?

— Где?

— За окном.

— А... да ничего, — пожала плечами и поспешила за женихом, решив про себя, что общение с деревенскими бабушками и их травками даром не проходит.

На работе обстановка радовала своей, скажем так, стабильностью — рутина прозвучало бы грубо для столь элитного заведения. Стоило переступить порог, как окунулась в ароматы шампуня, духов и красителей. В коробках на столах переливались украшения, сверкали ленты и банты с бисером и стразами, работали фены, лилась вода, звенели пинцеты и ножницы, щелкали когтерезки, а воздух оглашался истошными «Гав» и «Мяу».

Я постаралась как можно незаметнее просочиться от входа сразу в рабочую зону, где всюю колдовал На-

би. У лучшего мастера, чьей помощницей была избрана недостойная я, клиентов всегда было хоть отбавляй.

Даже в столь ранний час маэстро уже щелкал в воздухе серебряными ножничками, ровняя белоснежный пух собачки элитной — и, стихии, какой дорогущей! — породы. А еще Наби жаловался, что если заниматься стрижкой домашних питомцев, то он предпочитал шерсть. Пух слишком легкий и мягкий, его так тяжело укладывать!

— И таки явилась, — глянул на меня маэстро, пока облачалась в рабочий фартук.

— А имелись варианты? — Я повязала косынку на голову и открыла шкафчик, где хранились рабочие инструменты.

— Опоздай ты минут на пять, и стрижка была бы окончена.

— Наби, дорогой, я никогда не опаздываю.

— Драгоценная, — маэстро поморщился, он терпеть не мог обращения «дорогой», — если у сей белоснежности пух высохнет быстрее, чем успеешь нанести свои краски, в том будет полностью твоя вина.

Я фыркнула, игнорируя дурное расположение духа нашего светоча парикмахерского искусства, и принялась быстро смешивать цвета в соответствии с выбранной клиенткой цветовой палитрой. В том, чтобы наносить их именно на влажную шерсть, был свой резон, ведь тогда цвета слегка растекались и плавно перемешивались. Этот метод являлся моим изобретением, потому напоминание маэстро казалось лишним и определенно отдавало вредным характером. Колористика была моим коньком еще со времен обучения в кастелане. А за время работы в «Модельных собачках» (где обслуживали и остальных питомцев) еще не помнили случая, когда я напортичила с окрасом. Однако Наби не забывал держать меня в тонусе, дабы неповадно было

опозорить громкое имя наставника. По мне, так стрижка — это лишь полдела, даже несмотря на высокое мастерство. Ведь именно в сочетании с моей техникой «радужного окраса» салон так прославился в городе.

— Ну что твой жених?

Маэстро лениво созерцал, как уверенными мазками живописую по неподвижно сидящему «полотну» с большими карими глазами и подрагивающим носом. Некоторые питомцы были истинным даром художнику, они не кусались, не вырывались, даже не вертелись, милым характером полностью окупая потраченные на их приобретение деньги.

— Офффно, — зажатая в зубах кисть мешала четче произносить слова и служила в качестве элемента, мешающего поддерживать разговор. Наби обожал болтать во время работы, а я терпеть не могла. Это мешало сосредоточиться.

— И когда свадьба? Не за горами?

Нашему великому парикмахеру неразговорчивость собеседника никогда не мешала.

— Ухум.

— Драгоценная, я бы на твоём месте поспешил. Завидный жених. Семья при деньгах, сам красавец, а теперь ещё и гронду окончил. Ему определено светит большое будущее. Хватай же парня, пока не передумал.

— Ф смыфффе?

Умел Наби вызвать на разговор.

— В прямом. Ой, не делай больших глаз, радужная. Будто не он, а ты можешь передумать. Таких парней не бросают, а вот они — напротив. Да не сжимай бедную кисть, чего доброго, перекусишь. Все в курсе, что в нашем роду аристократы потоптались, но ведь они признают тебя со скрипом, а уж про финансирование молчу. У женишка все иначе.

Ага, совсем иначе. На руках носят, ножки целуют. Единственное любимое чадушко. А в нашем роду побочных ветвей хоть завались. Где сами аристократы нагрешили, где предприимчивые натуры примазаться захотели. Хотя, согласно строгому отбору и тщательной проверке, меня признали законной представительницей.

— Не прозевай, рубиновая.

Вот еще одно прозвище от Наби. А мне уже надоели намеки в салоне, что тайком крашу шевелюру, а после заявляю, будто это натуральный оттенок.

— Готово.

Я извлекла кисточку и потянулась к люверу, чтобы просушить и расчесать, а после вернуть обновленную зверушку заждавшейся клиентке. Цвета красиво перетекали один в другой, расцвечивая прежде скучный и однотонный пух во все оттенки радуги. Однако едва я успела нажать на кнопку, как в наш закуток с витражным окошком, отгороженный от остального зала парой кадок с раскидистыми экзотическими деревьями — говорили, фруктовыми, — ворвалась Асем. Полагаю, только опущенная вниз голова спасла от возможности продемонстрировать нелюбимой клиентке самую кислую из моих гримас.

— Ах, Наби, дорогой Наби!

Асем позволялось называть маэстро дорогим. Впрочем, стоимость его услуг полностью оправдывала это обращение. А в ряде случаев наш главный парикмахер мог быть исключительно терпелив и снисходителен, но только с богатыми клиентками.

— О, моя красавица! — оба звучно расцеловали воздух возле щек друг друга и шумно выдохнули, демонстрируя бурную радость от встречи.

— Наби, мне необходима срочная укладка.

— Но, жестокая, у меня ведь запись.

— Ах, — Асем махнула рукой, — подождут.

И она с чувством извлекла из сумочки своего карманного мопса и сунула в мои освободившиеся руки. Девочка-помощница мгновенно утащила обновленного пухового песика к хозяйке, а мне пришлось изворачиваться, чтобы одновременно не уронить пса важной клиентки и не остаться без пальца. Норов у собачки был под стать характеру владелицы.

— Ты не поверишь, что произошло! Я утром выгуливала Басю и совсем неподалеку от вашего салона столкнулась на улице с мужчиной. Случайно сбила его с ног.

Случайно? Хм. Учитывая, как часто у Асем менялись любовники, она всех сбивала с ног, чтобы убежать не успели.

— Он оказался чрезвычайно мил. Мы разговорились.

Точнее, Асем решила брать незнакомца штурмом и не дала ему уйти, отрезав пути нескончаемой беседой.

— Собрались прогуляться вместе до ближайшего кафе и выпить чаю, когда я вспомнила, что у Басечки шерсть очень некрасиво отросла после прошлой стрижки.

Наби поджал губы, но промолчал. После его стрижек шерсть просто не могла некрасиво отрасти.

— Разве можно, в самом деле, идти на встречу с таким мужчиной без укладки?

— Конечно, прелесть, — маэстро одарил клиентку великодушной улыбкой, — это стало бы катастрофой. Ты столь ухожена и элегантна, а у песика волоски торчатся после ветра. Сегодня снаружи на редкость неприятная погода.

Я бросила взгляд на освещенные ярким солнцем окна и тихо хмыкнула.

— Ты абсолютно права, остальные подождут. Но где же твой мужчина?

— Вон там. Я пригласила заглянуть на минутку в салон к близкой подружке, которой обещала вернуть одну вещь.

Асем хихикнула, а я небрежно глянула в том направлении, куда она вожделенно тыкала, и застыла. Сознаюсь, не справилась с собой. Застыла, открыла рот и мигом была укушена за палец, что быстро вернуло в реальный мир. В тот самый, в котором невероятные мужчины приходили в салон в сопровождении разных Асем, а моим уделом было не дать сбежать удачно отловленному жениху.

— А мужчине не требуется укладка? — буркнула под нос, больше от досады на боль в кровотокающем пальце.

— Завидуешь, милочка? — у Асем слух отличался остротой лишь в моменты, когда ей это было выгодно. Если нищий просил ее на улице о монетке, дамочка презрительно морщила носик (сама наблюдала) и небрежно отворачивалась в другую сторону, демонстрируя абсолютную глухоту.

— У него необычно длинные волосы, — отмахнулась от Асем и принялась профессионально и виртуозно, шустро обмотав палец эластичной лентой, наносить на кожу Басюшечки специальный гель, благодаря которому шерсть ложилась волосок к волоску. При этом умудрялась ловко избегать повторного укуса.

— А на мой взгляд, невероятно притягательно, когда у мужчины кончики волос так волнительно касаются шеи, словно в старых романах. Не находишь, Наби? Это очень красиво.

Клиентка обращалась исключительно к маэстро, поскольку кто я такая, чтобы со мной говорить дольше минуты, но при этом глаза ее победно сверкнули. Наби ответил нечто невразумительное, недовольно блеснув абсолютно голым черепом. Я же замечание проигнорировала. В свое время Асем очень старалась привлечь

внимание Вашека, когда он заглянул ненадолго ко мне на работу. Однако жених красой земной пренебрег (у него прежде таких Асем было пруд пруди), на что элитная клиентка затаила обиду.

— Да, он шикарен, — совладал с собой Наби, цепким взглядом профессионала окинув мужчину с головы до ног и рассудив, что шикарность одного не умаляет породы другого. Человек же, которого все столь бурно обсуждали, в свою очередь, абсолютно не заботился о чьем-либо мнении и был поглощен видом из окна. Он наблюдал за спешащими на работу людьми и едущими по ту сторону повозками, тележками, а также изредка мелькавшими среди остального транспорта элитными ройерсами, мягко везущими своих счастливых владельцев. Выглядел мужчина при этом столь отстраненным, точно мыслями находился далеко-далеко.

— Харизма — великая вещь, — меж тем вещал маэстро, пока я пыталась сосредоточиться на работе. Честно говоря, Наби не рисковал прикасаться к кусачим мопсам и перекидывал ответственность за укладку на меня, но при этом считалось, что заслуга принадлежит именно маэстро. Как много раз повторял великий парикмахер: «Это я тебя всему научил, стоит быть благодарной».

Чудом избежав острых зубов, ухватила за щетку, собираясь причесать неблагодарную псину, и почти совладала с иррациональным желанием пялиться в сторону окна. Вовсе не было ничего выдающегося в том незнакомце, кроме длины его волос. Внешность как внешность. Черты лица даже излишне резкие и обозначены столь выразительно, будто лепивший их скульптор слишком старался при создании шедевра. Это в точности как если бы я взялась не за широкую кисть, а каждый волосок окрашивала тонкой кисточкой отдельно. Напрасная трата сил. Вашек выглядел намного

симпатичнее. Здесь же секрет крылся исключительно в харизме, как верно подметил маэстро. Есть личности, привлекающие к себе внимание с первого взгляда, просто потому что им природа дала личную притягательность, способную сражать людей. Вот и все.

Мужчину, сбитого Асем, вдруг оторвали от отстраненного созерцания, предложив свежесжатый сок, и он элегантно взял бокал, мимолетно оглядев место, где очутился. Вероятно, он осматривался в поисках новой знакомой, но на миг наши взгляды встретились. У меня закололо в висках, сердце так резко сдавило, что не вдохнуть, кровь запульсировала в ушах горячим током, складываясь в монотонный шум, в котором проступали звуки, размытые образы, красные блики на прядях, треск ломающихся перекрытий, а человек у окна чуть наклонил голову и улыбнулся. Почти незримо, уголками губ. Расческа выпала из рук и громко ударила о стол.

— Ты что творишь?

Громкий вопль Асем перекрыл стук шального сердца и заставил взглянуть на собственные перепачканные краской руки. Я перепугала предметы и вместо выпавшей расчески схватилась за баллончик, сильно сдавив. На кусачего песика пролилась струя ярко-зеленого цвета.

Стоит отметить, что краска в нашем салоне использовалась высокого качества, потому была стойкой и насыщенной. И вот теперь Басик с благородно-шоколадным оттенком шерсти обзавелся неровной кислотно-зеленой полосой.

— Наби, эта гадина нарочно испортила Басюшечку!

От визгливого голоса я поморщилась, тщетно пытаясь совладать с разыгравшейся мигренью, как вдруг Асем добавила ультразвук, еще оглушительнее возопив: «Стойте, куда же вы?»

Мужчины у окна уже не было. Вероятно, он поднялся при первых же звуках ругани. Прекрасный облик оча-

ровательной незнакомки окончательно и бесповоротно рассыпался под воздействием громкого визга. Истинный голос Асем, не одобренный искусственной певучестью, всегда вызывал у меня желание заткнуть уши. И кажется, не у меня одной. Новый поклонник ушел, и теперь весь салон имел честь наблюдать через окно за его удаляющейся фигурой.

— Это ты, это все ты!

Гнев клиентки пришелся на мою голову.

Глава 4

— И вот так с ходу уволили? — Миранда, отдуваясь, волокла тяжелый тюк, за которым оставалась внушительная полоса, четко обозначившая разницу между грязным и относительно чистым полом.

— Сперва потребовали извиниться.

— А ты?

— Конечно, извинилась, напортачила ведь.

— А потом?

— А потом уволили.

— Вот так взяли и уволили? — повторно возмутилась Мира. — Ты сколько лет проработала в салоне? Ведь сразу по завершении учебы туда пошла! Я точно помню, мы просматривали варианты. А ты увидела объявление о помощнице этого главного парикмахера, и тогда вместе к нему пошли. Я сразу сказала: «Нет», когда увидела расстроенных девчонок, что он выгнал, а ты все равно отправилась на собеседование.

— Да, и меня он тоже развернул, поскольку опыта не было, только сертификат об окончании обучения. — Я ногами подталкивала ящик с красками, так как спина уже нещадно ныла от всех перетасканных с перевозной тележки тяжестей.

— Ты не расплакалась и не ушла, а заявила, будто он сам не понимает, как много теряет, раз не берется испытать истинно талантливую колористку.

— Еще бы мне плакать, — хмыкнула, вспоминая тот день, — ведь прошла закалку всей родней. Так буду еще реагировать на грубости людей, которые меня и вовсе не знают.

— И ты его сделала! Эх, Сэйна, вот что меня всегда в тебе восхищало.

Я взглянула на подругу и подумала, что меня в ней восхищает безмерная преданность тем людям, которых Миранда допустила в ближний круг. Очень редкая черта в современном мире. Вот и теперь она единственная откликнулась, и сама предложила помочь, когда остальные оказались заняты.

— Но все же, как они могли? — Мира, отдуваясь, прислонила тюк к стене. — Вот так сразу уволить!

— Не сразу, а после большого скандала.

Мне припомнили, кажется, все промашки, допущенные с первого дня работы. Ведь речь шла о постоянной и одной из самых богатых клиенток, а она, не церемонясь, вызвала подруг, которые устроили настоящий разбор недостатков одной ущербной колористки.

Я вздохнула, тщетно силясь не показать, как на самом деле обидело отношение коллег, не вставших на мою сторону, и сколь непросто оказалось вынести унижительную головомойку, особенно потому, что мстили не за ошибку и ту ядовито зеленую полосу, которая со временем сойдет, а за ушедшего поклонника.

— С другой стороны, все к лучшему. Значит, пришла пора двигаться дальше. Вот открою собственный салон, только заем возьму.

Я старалась выглядеть уверенно, хотя в душе вовсе не стремилась к столь резкому повороту в жизни. Предпочла бы задержаться на привычной работе и еще не-

много подкопить денег. Жаль, что длинноволосый незнакомец не прошел мимо нашего салона в тот день.

— Сэй.

— Что?

— А Вашек всерьез сказал, будто это реальный прокол, потому он не пойдет в салон и не станет за тебя заступаться?

— Ты забываешь, что у его семьи целая империя в сфере услуг. Думаю, он с детства впитал главное правило — клиент всегда прав.

Теперь я отвернулась, будто ища место, куда втолкнуть еще один ящик с вещами, а на деле пряча от Мины выражение лица. Себя не обманешь: из-за реакции жениха было обидней всего. Вашек имел определенный вес в том обществе, что обитало в нашем салоне, он и правда мог заступиться. Но ему претило идти и просить за проштрафившуюся невесту. Он был выше этого, потому просто хмыкнул и сказал: «Найдешь новое место». Не принимая во внимание моих чувств и того, сколько сил было отдано предыдущей работе, сколько души вложено в то дело. Ведь, по сути, это я обзаводилась новыми клиентами благодаря собственной технике, а салон присваивал мои заслуги и, конечно же, ни за что теперь не отпустит постоянных посетителей, а если попробую составить конкуренцию, то без хорошей поддержки провалюсь на первом же этапе.

— Сэй, послушай, — подружка огляделась, — а не страшновато сюда переезжать? Пускай район в целом неплох, но дом такой старый. Сколько времени стоял нежилой, а ты здесь одна.

— Кроме него, у меня нет жилья, а сбережения понадобятся, чтобы открыть свое дело.

— Вероятно, это опрометчиво вот так круто менять жизнь? Понимаю твое желание утереть всем нос, но вдруг потом начнешь жалеть? С работы уволили, а от

жениха ты съехала. Теперь одна в таком месте. Еще и половицы скрипят, точно вот-вот развалятся.

— Все хорошо, Миранда, не переживай за меня. С соседями я знакома. Все-таки иногда навевывалась сюда. А полы вполне крепкие, и стропила, и потолки. Я когда дом унаследовала, заказала полную проверку его состояния. Так что, по сути, здесь можно обойтись небольшим ремонтом, а на самом деле ему требуется очень генеральная уборка.

— Ну-ну, — подруга оглядела затянутые паутиной темные углы, чистую дорожку в пыли, стекла в трещинах и вздохнула. — Может, не стоило ссориться с Вашekom?

— Перестань тревожиться. Уже темнеет, тебе пора домой к малышке. И так полдня провозилась со мной, а соседке скоро и самой уходить.

— Да, — вздохнула подруга, — она говорила, что после восьми пойдет к себе, у нее муж должен с работы вернуться. Осталось полчаса.

— Как раз чтобы успеть добраться домой.

— А тревожную кнопку ты проверяла? — Миранда потянулась к приглушенно светящемуся зеленому огоньку на стене.

— Исправно работает, не нажимай, — остановила ее. — Иначе приедут, и придется платить за ложный вызов.

— А она только здесь?

— В каждой комнате. В прошлую проверку мастер всю охранную сеть починил, вышло недешево.

— Ну, хорошо, — Мира потянулась ко мне и обняла.

— Поезжай. Я попросила перевозчика подкинуть тебя по дороге до остановки. Хороший парень, без проблем согласился.

— Спасибо. — Она снова огляделась и показалась мне такой расстроенной, что я решительно взяла ее за руку и потянула к двери.

— Со мной точно ночевать не годится, ведь ребенка сюда не привезешь. Вот обустроюсь, тогда и приглашу. Ну все. Пока.

Поцеловала ее в щеку и выпроводила за дверь, послушав, как зашелестела колесами тяжелая тележка перевозчика, отъезжая.

Настроение было лучше ожидаемого, ведь верная подруга, прежде чем приступить к переезду, привезла бутылку крепкого самодельного вина. На этой волне мы вдвоем неплохо организовали перевоз вещей из квартиры Вашека. Даже сейчас эффект не до конца рассеялся, позволяя мне запереть засов и бодро оглядеть новое жилье, а не скатиться в слезы и сопли.

— Ничего. Вполне справлюсь. Это не на улице ночевать.

И не к жениху возвращаться, поджав хвост. Ведь не заступиться за невесту — полбеды, а вот наблюдать с усмешкой за ее сумбурными сборами с заявлением: «Ну давай, самостоятельная, поглядим, насколько тебя хватит», — уже верный путь этой невесты лишиться. И конечно, я бы не отправилась в старое наследство на ночь глядя, но снять иное жилье за столь короткий срок было невозможно, пойти в венту¹ — дорого (расчет за месяц ожидался в конце недели, а деньги пригодятся, пока нет новой работы), остаться у Вашека после скандала — точно снизить до уровня «Гляди не упусти жениха». Я сама смогу многого добиться и даже доказала это, закончив с отличием учебу и устроившись на работу без малейшей поддержки со стороны родственников. Вот и поглядим, кто кого.

Обустройство на новом месте сошло на нет около полуночи. Тогда ноги, руки и спина отказались служить

¹ Вента — заведение, предоставляющее комнаты для съема.

хозяйке, а матрас, расстеленный на полу отмытой, примыкавшей к залу кухни, так и манил прилечь. Я проверила все замки, заперла дверь кухни и, устроившись с относительным комфортом, уснула столь быстро, как только засыпает здорово уставший человек. Полагаю, что могла бы крепко проспать до самого утра, не разбуди меня посреди ночи скрип половиц.

Проснулась мгновенно и резко, подтянув к себе длинную кочергу, которая обнаружилась здесь же на кухне, возле очага, и которую на всякий случай положила рядом. Встала осторожно, ступая на цыпочках. Половицы поскрипывали и подо мной, но не так отчаянно громко. Я прильнула к замочной скважине и попыталась рассмотреть большой зал, освещенный лунным светом.

Вот оно! Отпрянула в испуге, покрепче сжав вспотевшей ладонью кочергу. Какая-то тень проскользила по комнате. Этот кто-то ходил, не таясь, неспешно осматривая окружающее пространство. А теперь я услышала, как его шаги замерли за дверью кухни.

Отпрянула, прижалась к стене и, подняв кочергу выше, второй рукой принялась нащупывать тревожную кнопку. Нашла. Нажала, ожидая услышать протяжную трель, но ничего не произошло. В панике вдавила кнопку еще несколько раз, даже скосила на нее глаза, чтобы увидеть погасший огонек, прежде ярко светившийся равномерно зеленым. Он не горел, точно и правда был неисправен. Но ведь кнопка работала!

Тут все рассуждения покинули голову, поскольку ручка повернулась, дверь дернулась раз-другой, стукнув о задвижку, а я сжала кочергу обеими ладонями.

Ожидала, что сейчас взломщик попробует вынести преграду, но не тут-то было. Медленно, со скрипом задвижка отъехала в сторону, и дверь отворилась. Кто-то вошел.

Дрожащие руки резко опустили оружие и... промахнулись. Кочерга проскользила по краю света-тени, как проходит по маслу острый нож, и воткнулась в пол, проделав в доске дыру и намертво застряв.

Все еще в состоянии глубочайшего шока, я в первый момент дергала ее, попутно стараясь принять решение, как быть дальше, когда до мозга дошло, что бесполезно пытаться вытянуть оружие и самое умное — поскорее мчаться на выход. Только мешала отворенная створка, а еще темная тень на моем пути. Тот, кто вошел в комнату и так удачно и стремительно отпрыгнул с линии удара, обернулся, заметил мое движение к выходу и с силой толкнул дверь, заставив ее захлопнуться.

Это был миг, когда я осознала себя загнанной в угол и морально приготовилась сопротивляться: бороться, кусаться и визжать. Я даже набрала в легкие больше воздуха, когда услышала спокойное: «Доброй ночи. Прошу извинить за вторжение».

Знакомый голос, от которого в голове зашумело и вымело прочь остальные мысли, кроме единственного вопроса:

- Как вы открыли дверь?
- Магией.
- Чем?

В ответ он щелкнул пальцами, и светильники ярко загорелись. Те самые светильники, которые точно были неисправны, поскольку я до сих пор не собралась поменять старую проводку. Но они горели! Они горели, а кнопка — нет.

Бегло обежала взглядом ровные огоньки света. Стена послужила опорой, когда перевела ошарашенный взгляд со светильников на человека перед собой.

И я всерьез жалела, что невероятные мужчины не приходят по мою душу и остается довольствоваться удачей, подкинувшей завидного жениха? Готова отпу-

стить эти сожаления. Мне гораздо лучше и спокойнее жилось прежде, когда...

Я судорожно вдохнула и выдохнула.

...когда шикарные мужчины не появлялись передо мной посреди ночи, отворяя двери, зажигая светильники, говоря о магии. Какая, к стихиям, магия?! Он сюда из сказки явился? Из страшной сказки!

Он стоял и оглядывал комнату. Не обошел вниманием ни старый потолок с кусками отвалившейся краски, ни кочергу, ни дырку в полу. Сделал рукой некое движение, словно хотел что-то поймать в воздухе, раскрыл пустую ладонь и задумчиво нахмурился. Затем я удостоилась взгляда от головы до кончиков босых ступней с поджатыми от испуга пальцами. Когда он посмотрел мне в глаза, то перед ними все закачалось и поплыло.

— Непривычное место, пустое. Тебя спрятали здесь, Ана? Или, может, заперли?

Ана? Я слышала это имя!

— Меня зовут Сэйна.

Зачем ответила? Почему сказала, как меня зовут?

Мужчина подступил. Протянул руку, беря за подбородок, а я приготовилась ухватить его за плечи и со всех сил садануть коленом в самое уязвимое место, когда незваный посетитель резко отстранился, захватив попутно прядь моих волос. Он пропустил ее сквозь пальцы, напомнив о чем-то, виденном прежде. Красные искры вспыхнули, пробежали по волосам и погасли в его руке.

— Тебе изменили внешность?

— Вы меня спутали с кем-то?

— Воспоминания?

— Вы не в себе? Уходите немедленно! Это мой дом, и я сейчас позову на помощь!

Так чего же еще не зовешь, Сэйна? Ты тоже не в себе?

Я открыла рот, чтобы громко закричать, надеясь, будто треснувшие стекла пропустят этот звук и донесут до ушей соседей, когда мужчина уточнил:

— Не Ана?

Бросив взгляд в сторону застрявшей кочерги, я постаралась максимально подавить панику, отвлекая его внимание разговором, а попутно придумывая варианты побега. Зря только понадеялась на кнопку и спокойный район.

— Кто вы такой? Зачем преследуете меня? Ведь это вы были сегодня в салоне?

Окинула взглядом его дорогое летнее пальто.

— А еще... в лексире тоже были вы, только в дождевике?

Кто же он? С кем меня спутал?

— Другая речь, другой голос, другие манеры. Ты столь мало похожа на нее, но лишь ее кровь могла вернуть.

— Это ошибка. Я даже не знакома ни с кем по имени Ана. Вы явно зашли не в тот дом.

— Не в тот дом, — повторил он задумчиво.

— Послушайте, — я попыталась умерить панику и говорить спокойно, не повышая голоса, — если нужно отыскать какую-то девушку, то вам могут помочь, но совсем в другом месте.

Наблюдая, как он отвернулся и медленно пошел по комнате, разглядывая всякие мелочи, вроде захваченного мной приемника, оставленного на старой, отмытой стойке, попыталась втолковать мужчине мысль, что я не та, кого он разыскивал. Попутно потянулась к ручке, делая осторожные шажки к двери.

— Вы перепутали меня с кем-то, а потому вломились в мой дом, — что само по себе странно, но менее важно, чем попытка убедить его уйти или отвлечь, чтобы выскочить за помощью, — поверьте, мы раньше

не встречались. Однако в нашем веке уже изобрели немало способов нахождения человека. Вам стоит лишь...

Он небрежно махнул ладонью в сторону двери, отчего вдруг раздался громкий щелчок, а я ошарашенно оглянулась на проскользнувшую в свой паз задвижку.

— Не откроется, — сказал мужчина, скинув на стул пальто, а сам облокотился спиной на стойку, разглядывая меня теперь на расстоянии.

Мои глаза намертво приковались к худой изможденной фигуре, обтянутой эластичной рубашкой с короткими рукавами. Сквозь белую ткань проступали ребра, словно этого человека долго морили голодом, или же он совсем мало ел в последнее время. По лицу это было почти незаметно, если не считать того, как резко обозначились скулы, однако тело...

— Вам нужна помощь, — вырвалось у меня.

— Мне? — он улыбнулся. Как же не по себе становилось от его улыбки. Легкая вельга¹, надетая в постель, не спасала от озноба. Я начинала путаться, морозило ли это от стены, проходясь ледяным дуновением между лопаток, или то был холод его улыбки. Еще легкий изгиб губ вызывал какое-то смутное чувство, отличное от беспокойства, знакомо-забытое волнение...

— Значит, тебя больше не зовут Ана? — кивнул он, словно наконец согласился. — Теперь твое имя звучит как Сэйна?

Услышал? И запомнил. А если он не совсем сумасшедший? Или же очень умный сумасшедший, что, однако, не меняло положения вещей.

— Меня всегда так звали.

— Сэйна, — повторил он, а я прижала ладони к груди и крепко стиснула их, следя за ним взглядом, — звучит иначе и потому ни о чем не напоминает.

¹ Вельга — майка и штаны для сна из тонкой ткани.

— И не может напоминать! Это ведь другое имя!

— Ты произнесла: «В нашем веке», — вновь продемонстрировал он отличную способность слышать и запоминать, — у него есть год?

— Конечно, — волнение, страх, недоумение перемешались в совершенно невообразимый коктейль, мне уже с трудом удавалось контролировать себя в достаточной мере, чтобы связно отвечать и перестать слишком пристально таращиться на его тело и излишне худощавые руки, хотя кисти и пальцы оказались удивительно красивыми, — трехсот двадцать седьмой.

Мужчина недоверчиво качнул головой:

— Куда же канули два предыдущих столетия?

— Не поняла.

А он словно задумался. Сложил пальцы домиком и опустил голову, произнося негромко:

— Пустой мир без силовых потоков и век иного времени. В каком измерении ваше пространство?

— В трехмерном... — о чем мы вообще беседовали? Я начинала совершенно терять нить разговора.

Он возрился на собственные сцепленные ладони, а голос стал едва громче шепота, но мне удалось разобрать фразу: «В пустом мире не выжить так долго».

Пользуясь тем, что он сосредоточил взгляд на сцепленных ладонях, я сделала более широкий шаг и окончательно закрыла спиной дверную ручку, заведя руку назад и нащупывая задвижку, попутно стараясь болтать почти беззаботно. Даже сделала попытку пошутить:

— А вы что же, заблудились во времени и пространстве?

Вероятно, это просто ментально больной человек, которому я напомнила давнюю знакомую. Ему ведь определенно требовалась помощь. Но для того желательно было сперва очутиться на улице и иметь шанс эту самую помощь позвать.

Задвижка оказалась в моих пальцах, и я резко потянула за нее, намереваясь вытянуть из паза, но та вдруг не сдвинулась с места, словно заклинило.

— Говорил, не откроется, — поднял глаза странный мужчина, ввергая меня в новую дрожь. — И я не заблудился. Мне нужно лишь найти путь.

Он рассеянно провел пальцами по гладкой столешнице и, наткнувшись на миниатюрный брелок в форме песочных часов, принялся отстраненно рассматривать. Этим незнакомец окончательно убедил меня в верности заключений о его душевном состоянии. У нездоровых людей перепады в настроениях и невнятные рассуждения не редкость. Может, он сейчас вовсе впадет в меланхоличное созерцание песчинок, а я убегу? Только чем подцепить эту щеколду, ведь через окно не хотелось бы. Опасно пробивать стекло собственным телом, но что еще можно сделать?

— Два века.

Чуть не вздрогнула, сосредоточившись на плане побега и отвлекшись от главного.

— Немало.

Кивнула, поймав его взгляд. Я слышала, с душевнобольными людьми нельзя спорить. Нужно во всем с ними соглашаться, чтобы усыпить бдительность. Потому кивнула еще раз. Только результат оказался далеким от ожидаемого. Мужчина оттолкнулся от стойки и направился ко мне.

— Прости, Сэйна, мне требуется больше сил на задуманное.

— Конечно, — снова согласилась, — вам бы поесть, поспать, и все придет в норму.

— Не у того, кто был мертв две сотни лет. Нужна кровь.

— Ч-чья?

— Твоя.

На сердце никогда еще не холодело столь стремительно, даже лопатки примерзли к дверному полотну. И ведь до последнего не хотелось верить в самый страшный исход. Он и правда маньяк, из тех, кто присматривал жертв в разных местах, типа салонов красоты. Находил простых девушек, следил за ними, а когда наступало время, приходил и пускал кровь. Или выпивал? Стихии, защитите меня!

— Послушайте, — голос дрожал, мужчина замер возле воткнутой между нами кочерги. — Кровь вовсе не питательна. Совершенно! И она ужасна на вкус. Вам просто кажется, будто это поможет. На самом деле вам требуется другое. Может быть, деньги? Мой жених Вашек точно заплатит. Правда. Я в этом уверена.

Он нагнулся и на удивление легко вытянул из досок кочергу. А пока выпрямлялся, я со всей силы толкнула его, а сама кинулась к окну, уже не заботясь о том, насколько опасно можно пораниться.

Ох!

Никогда бы не заподозрила столь моментальной реакции и сил в отощавшем теле. Я даже и нескольких шагов не пробежала, когда мужчина поймал за плечо, резко развернул и выпустил, а инерция сыграла злую шутку, впечатав мое тело в стену.

Ударилась лопатками, вдавилась спиной. А когда он протянул ладонь, закрылась руками. Кочергу мужчина отбросил, но вот сжимали ли его пальцы нож или от страха пригрезился металлический блеск, однако я с силой зажмурилась. Слюна сделалась вязкой, в горле стало сухо, а сердце замерло от ужаса, и стена показалась мягкой и тягучей, точно кисель.

Дурнота, накотившая неожиданно, ощущение падения спиной вперед, тошнота и перед зажмуренными глазами вдруг стало очень ярко! Распахнула их и увидела зал. Большой зал собственного дома, обставленный

дорогой и вычурной мебелью. Он был освещен лучами восходящего солнца, просачивавшимися сквозь чистые окна. Прежде шаткая лестница, уводящая на верхний этаж, оказалась застелена ковром, а ее отполированные поручни блестели. На нижней ступеньке замерла девушка со стопкой полотенец в руках, похожая на горничную из венты. Я привстала на локте, она взвизгнула.

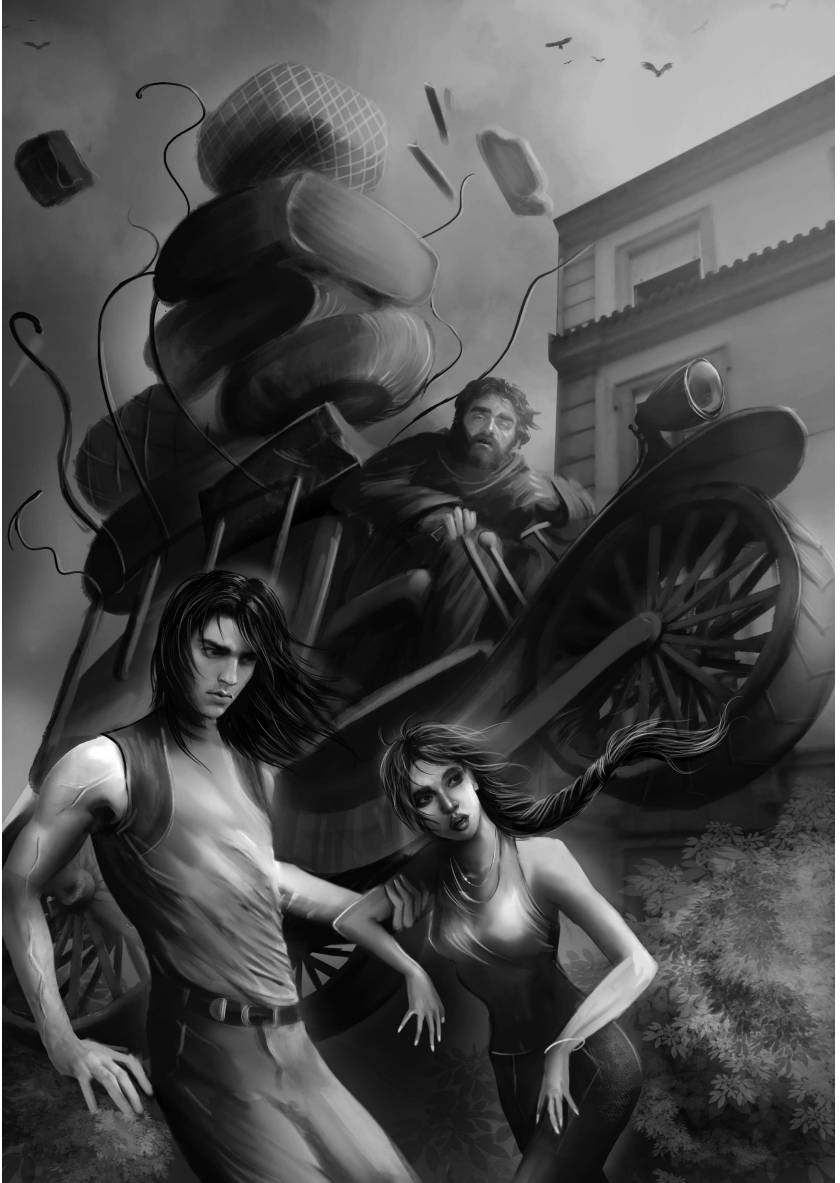
— Простите... — от шока почти совсем пропал голос. Повернулась на четвереньки, начала подниматься, а девушка завизжала еще громче. Визг спровоцировал топот на втором этаже. Сразу несколько человек выбежали на площадку и перегнулись через перила, поглядев вниз. Среди них одеждой и статью выделялся один мужчина, строго крикнувший:

— Что вы делаете в моем доме? Как вы посмели открыть портал? Как пробили защиту?

— Что пробила? Это, это мой дом, — снова обвела взглядом пространство, — был.

— Схватите ее, — кивнул на меня мужчина, и трое сопровождающих кинулись вниз, только мне не захотелось их дожидаться. Для нервов это был явный перебор. Я вскочила и зайцем метнулась ко входной двери.

— Дверь не откроется посторонней! — успел прокричать тот, кто назвался хозяином моего дома, когда я, не слушая, вывалилась на улицу и захлопнула створку за собой. Процесс прохождения сквозь проем вновь сопровождался тошнотой и головокружением, а потому я не удержалась на ногах и свалилась прямо на дорогу. Резкий сигнал тележки торговца, мчавшейся прямо на меня, уловила, но среагировать не успевала. Только вновь бессмысленно закрыла голову, когда меня больно вздернули за руку и успели вытащить из-под колес в последний момент. Лицо одержимого кровью спасителя уже смазывалось перед глазами из-за слез накатившей истерики. Не знаю, из какого прибежища для душевно-

больных он сбежал, но появлялся реальный шанс составить ему там компанию по возвращении.

— Идем! — он быстро затащил меня обратно в дом, махнув рукой прокричавшему «Ненормальная!» торговцу. Тот едва успел совладать с управлением тележкой, которую резко повело в сторону из-за вывернутого руля. И ведь я рванулась из захвата, чтобы дать деру вслед повозке, но маньяк легко преодолел сопротивление. Отчетливо прозвучал щелчок дверного замка. Холл снова оказался пуст, безлюден и знакомо пах пылью. Потемневшая лестница с частично прогнившими ступенями вела наверх.

— Ты открыла портал? — уточнил душевнобольной.

Я пожалала плечами. Оступение снизошло внезапно. Вкупе с упадком сил. Тихо-мирно почить от потери крови представлялось теперь не столь страшным делом. Подумаешь! Маньяков полным-полно, а здесь и то сковать никто не станет. Вашек даже не возьмет на себя труд мстить за безвременную кончину невесты.

— Не в первый раз? — продолжал попытки расшевелить меня кровопийца. Полагаю, вид мой был таков, что даже до ненормального взломщика дошло — это лучший момент для проведения ритуала. Жертва отказывалась сопротивляться.

До кухни маньяк меня дотащил, крепко сжав плечи. Довел и на стул усадил, а сам принялся открывать ящики стола.

— Где еда? — спрашивал он, напрочь игнорируя банки с консервами.

— Здесь, — показала на шею.

Он странно поглядел на меня, качнул головой и вдруг проявил заботу.

— Тебе нужна еда. После прыжков наступает истощение. Где ее взять?

— А зачем кормить меня, если собрались убивать? Вы за один раз не откормите.

Мужчина в этот момент отыскивал хлеб в пакете и извлек его наружу вместе со складным ножом.

Содрогнулась. Апатия потихоньку отступала.

— Открытие порталов — редкий дар, — принялся говорить он. — Один из самых редких. Ана им не владела.

— О, почти поверили? А вам чья кровь нужна, ее или моя?

Ответа не последовало. Я с опаской отклонилась от руки с ножом, хотя тот даже не глядел острием в мою сторону.

— Вы уже убедились, что я не Ана?

— Ты так говоришь.

— А вы не верите на слово?

Передо мной оказался кусок хлеба с сыром, и, позабыв продолжение речи, так вгрызлась в него, будто никогда еды не видела.

— Верить? На слово? Забавно.

Мужчина устроился напротив. И вот он-то, заморенный голодом, ел гораздо медленнее и аккуратнее. Ел и рассматривал меня. Снова. Причем особенно тщательно изучал волосы.

— Галлюцинации? Фокусы? Что это было? — едва ощутив приток сил, рискнула разобраться в вопросе. Маньяк по-прежнему следил за мной, сокращая шансы добраться до выхода, но, вероятно, перестал считать Аной. А ведь она ему явно чем-то насолила, раз обладала такой вкусной кровью (может, в клинику уpekла, где его морили голодом?). — Вы распылили в воздухе некий препарат, чтобы у меня разум помутился?

— Нет.

— Тогда что случилось?

— Твой дар.

— Какой?

— Магический.

Смешок вырвался непроизвольно.

— А, снова магия.

— Да.

Он опустил глаза и опять поднял, заставив нервно ухватиться за шею, по которой скользнул его взгляд. Однако мужчина не обратил внимания, продолжив нашу поистине странную беседу:

— Что у тебя за семья? Помнишь имена своих предков? Ты всегда жила в этом мире, с самого рождения?

Удивительное дело. Я не понимала, как так случилось, но теперь, когда он перестал излучать угрозу и перешел на совершенно иной тон, мне дико захотелось рассказать ему все. И, может, заслужить одобрение. Стихии! Чье одобрение? Маньяка? Тряхнула головой, собираясь хорошенько ее прочистить, когда мужчина вдруг напрягся и взглянул в сторону двери.

— Сэй! — раздалось из холла.

Вашек пришел! Какой же он замечательный, а еще очень сильный, только нужно его предупредить...

Почему странный маньяк реагировал стремительнее меня? Наверное, потому, что иначе я бы давно сбежала. Или попала под тележку.

Вскочила со стула на мгновение позже него. В голове мелькнуло — сейчас схватит нож и кинется к двери, но он поймал меня так быстро, что и пикнуть не успела. Толкнул на матрас. Навис сверху, прижав грудью к постели, на миг мы встретились глазами, и он закрыл губами мне рот.

Я слышала, как дверь скрипнула, отворившись. Вашек зашел. С легкостью можно было представить открывшуюся глазам картину. Его девушка на постели целуется с каким-то мужиком. Я имела отличный шанс угадать его мысли на этот счет. Проблема состояла в другом: адекватно реагировать на происходящее оказалось выше

моих сил. Все в жизни, начиная с ночного пробуждения, перестало быть нормальным и перевернулось с ног на голову, с момента появления в ней душевнобольного маньяка. А потому все сложилось вот так.

Здесь оказался мой жених, и он мог бы помочь, но... Там, где я вдруг очутилась, стоял аромат сумеречного леса, приглушенный полумрак с шелестом листвы. Густой туман, скрывавший очертания предметов. Место силы и старый сон. Украденные у вечности секунды, в которых оживают древние легенды. Не существует круговерти забот, нет страха и разочарований. Здесь реально волшебство и встречаются странные, невероятные мужчины.

— Сэй!

Я все еще была в комнате, как и неадекватный маньяк, чей способ не дать позвать на помощь оказался столь эффективен, что, попробуй я теперь закричать, Вашека бы не услышал. Из-за собственной ругани и целого ведра словесных помоев, пролившихся на мою голову.

Готова поклясться, что незнакомец отстранился спустя две или три секунды после того, как губы соприкоснулись, но я молчала дольше. Вашеку же хватило общего времени, чтобы сделать нужные выводы.

В себя пришла после слов: «Ну и пошла ты!» и громкого удара двери. Не среагировав в правильный момент, только сейчас со злостью и решимостью ударила отстранившегося мужчину и сумела столкнуть в сторону. Он откатился, а я в кои-то веки оказалась достаточно проворна, чтобы вскочить и ринуться к выходу.

Выскочив на улицу, которая уже заполнилась народом, увидела над толпой голову Вашека, стремительно идущего прочь. Сделала несколько шагов вслед за ним и остановилась, провожая взглядом. Замерла посреди тротуара, пока спешащие прохожие огибали препят-

ствие в моем лице, задевая локтями и плечами и приглушенно ругаясь сквозь зубы, а после обернулась к окну. За ним стоял, сложив на груди руки, странный мужчина и наблюдал за мной. Не преследовал, как тогда, когда вытащил из-под колес тележки, не манил обратно. Просто наблюдал, а я попятилась. Кто-то снова толкнул в плечо, кто-то крикнул: «Осторожнее», и где-то совсем рядом проскрежетали колеса, а стекло на моих глазах внезапно потускнело, вся неотмытая грязь проступила, скрывая очертания фигуры и снова превращая мой дом в пустое, нежилое строение.

Глава 5

— Тревожная бригада, к ведомству которой относится твой дом, ничего не нашла. Они все обыскали. Никто даже не видел в том районе мужчину, подходящего под описание, — говорила подруга.

— Вашек видел.

— Он отказался обсуждать все вопросы, едва представилась. Как ты могла поцеловаться с маньяком у него на глазах?

— Прости?

— Что стоило подать Вашеку знак?

— Мы ведь не целовались! Он закрыл таким образом рот, а я впала в ступор буквально на мгновение, поскольку совершенно перестала понимать, где нахожусь. Там случилось столько невероятного, Мира! Какие претензии ко мне?

— Сама посуди: отпечатков нет, следов нет, тревожная кнопка не сработала, задвижка сперва открылась сама, потом ее заклинило. Мужчина, из-за которого случилось злосчастное увольнение, считай, всю ночь с тобой мило беседовал...

— Он хотел моей крови!

— Не перебивай. Итак, он постоянно принимал тебя за некую Ану, а когда явился жених, почти тебя поцеловал. Ты не смогла позвать Вашека на помощь. Хотя заметить, у любого нормального человека в такие минуты срабатывают стандартные психологические реакции вроде сопротивления.

— Я сопротивлялась, а в тот конкретный момент растерялась.

— Тебе мог понравиться маньяк? Ты называла его шикарным мужчиной, говоря о происшествии в салоне!

— Не сходи с ума!

— Как раз я здраво рассуждаю и пытаюсь объяснить все логически.

— Стихии! — провела рукой по лицу, призывая себя успокоиться. — Здесь мало логики. Его маневр оказался неожиданным, я на несколько мгновений перестала мыслить адекватно, а придя в себя, сбежала. Только Вашек успел сделать выводы, словно проводить ночи с другим мужчиной, имея при этом жениха, совершенно в моем духе. И ведь я всегда его поддерживала!

— Отлично, временный ступор. Тогда почему ты говоришь о магии? Ведь в реальности подобного не существует!

— Говорю о ней, поскольку видела собственными глазами!

— Знаешь, все больше склоняюсь к версии охраны. Точнее, к двум: первая — тебе приснилось.

— Приснилось? Тогда объясни реакцию Вашека.

— Обижен из-за вашей ссоры и твоего демонстративного переезда, потому и не разговаривает.

— А совпадения? В моей жизни появляется некий странный мужчина, после чего я внезапно лишаюсь работы, лишаюсь жениха, теперь еще и домой не вернуться.

— Из-за работы он тебе и приснился. По второй версии, выдвинутой охраной, следует меньше пить. Тревожная система в доме работает отлично, а вот пустая бутылка из-под вина навела их на подозрения.

— Мы вместе отметили мой переезд. Ты же уехала в нормальном состоянии.

— Второй бутылки у тебя не было?

— Прекрасно! Знаешь, оба объяснения отличные. Главное, они не противоречат логике и реальности. Мужчина приснился, с работы уволили по понятной причине, Вашек обижен на отъезд, а в дом не вернуться, поскольку тревожная бригада признала его опасным для проживания и опечатала.

Я поднялась, опираясь ладонями на стол, и посмотрела на взбудораженную подругу.

— Но разве во сне или состоянии опьянения возможно фиксировать так много деталей? Реально запомнить все настолько отчетливо? Те же сны нелогичны и непоследовательны. А здесь я помню. Даже могу назвать одеколон Вашека, описать оттенки эмоций, вызвавших, как ты говоришь, неадекватную реакцию. Я до сих пор чувствую, как тот человек наклоняется совсем близко и касается лишь несколько секунд. И это не угроза, нет — на ходу придуманный маневр. Собственные ощущения? Страшно, но не противно. Есть желание оттолкнуть, остановить приближение и понимание, что самое время крикнуть Вашеку, когда вдруг обрушивается вся эта смесь эмоций и запахов. Свежего утра, тумана...

— Какого тумана, Сэйна?

— Плотного, оседаемого, когда капельки воды оседают на лице. Такой туман пахнет проливным дождем.

— Поэзия совсем не в тему. И дождь — это вода, а она не пахнет. Если сны нелогичны, как ты говоришь,

то все сходится. Ведь свет не зажигается, проводка повреждена, а на дверях ни следа взлома. И откуда в реальности взяться эмоциям и запахам, когда мужчина совершенно не знаком, с ним не связано никаких воспоминаний, а кругом старый пыльный дом?

— И на полу пустая бутылка из-под вина?

— Именно.

— Ну что же, тогда примем обе логичные версии как данность. Одна как раз подкрепляет другую.

— Твой сон — лишь защитная реакция организма.

Подруга увлекалась чтением книг по психологии, но в данный момент ее рассуждения мало того что не успокаивали и казались притянутыми за уши, так еще и раздражали. Я надеялась, она меня выслушает и не сведет все к защитным реакциям. Могла хотя бы рискнуть порассуждать на тему... несколько далекую от реальности.

— Сэй, присядь и поешь. Работа выпила из тебя все соки, раз ты научилась ходить сквозь стены. Не помещает немного набрать вес.

— Хорошая шутка.

Мира улыбнулась.

— Нужно решить, куда тебе лучше отправиться, и подумать над поисками новой работы. Не стоит обращать внимание на заверения Асем. Уверена, тебя с руками и ногами оторвут. А самой открыть дело в сложившихся условиях проблематично. Даже кредит под дом не возьмешь, пока он признан не пригодным для проживания. Ведь ему необходим ремонт, ты знаешь. И насчет Вашека... пока действительно лучше выждать.

— Определенно лучше.

— Кстати, когда с ним связалась, Вашек хоть и был однозначен в высказываниях и своем мнении о ваших отношениях, но успел обмолвиться о каком-то письме. Я поняла, что от твоих родных.

— Письмо? Может, он затем и приходил, ведь почта идет на его адрес.

— Сэй!

— Ах да. Это были сон и бутылка вина. Помню, помню.

— Ты ждала весточки от родных?

— Нет.

— Что-то из Мэнэр-холла.

Я помрачнела.

— Из главного дома? Значит, точно приглашение.

— Приглашение? — воспрянула духом Миранда.

— Да, старые традиции. Я уже получала подобное. Услышали о женихе, теперь требуют явиться, рассказать о нем подробнее, а еще желательно лично представить. Но это сразу отпадает. Жениха уже нет.

— Подумаешь, поссорились! Поездку это не отменяет. По крайней мере вот тебе временное решение с жильем. Пока у них гостишь, сможешь разослать запросы по поводу работы.

— Да, — я задумалась, — как вариант.

По крайней мере уехать куда-то, чтобы привести мысли в порядок, мне точно не помешает. А еще будет возможность обговорить с дядей вопрос касательно займа.

Ох и не любила я бывать у родственников. Всегда старалась сбежать от них как можно быстрее. И дело не только в том, что сам Мэнэр-холл ужасно подавлял мрачностью внешних серых стен, затянутых темно-зеленым плющом, и симметричными садовыми дорожками, вдоль которых росли идеально ровные деревья, но в атмосфере чопорности и самолюбования. В нее гости погружались сразу, как только переступали порог. У других аристократов для картин предков отводились специальные галереи, а в нашей семье гордость зашкаливала настолько, что вы натыкались на эти холодные